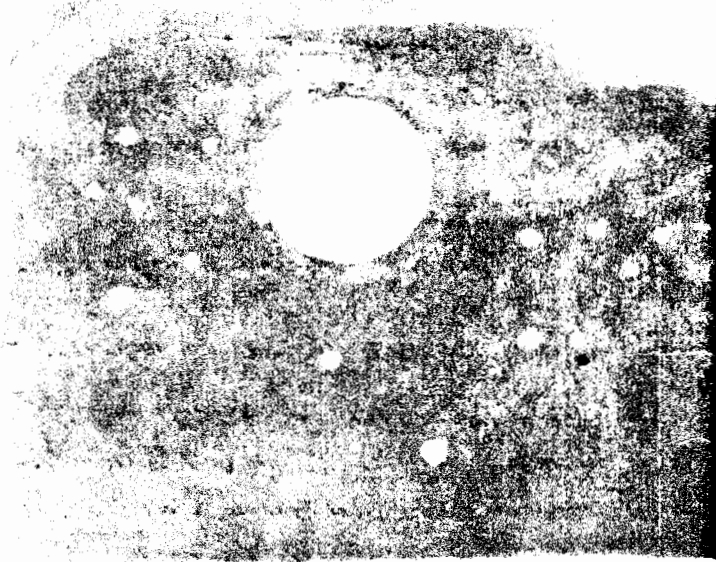

1-13
2-13
Виктор УСТЬЯНЦЕВ

Николай Рюмин

ОСТАЮЩИМСЯ

Стихотворения

Белово-98

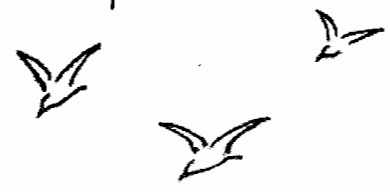
84(2 Рос) 6
У 83

Виктор Устьянцев

Виктор Устьянцев

67694-2

ПРОСТИТЕ,
ЧАЙКИ!

г. Белово
1999

11/6

Николай Рюмин

ОСТАЮЩИМСЯ

Стихотворения

Белово-98

Родился 27 мая 1932 г. в г. Кургане.

В 1937-43 годах находился на лечении в Крыму, потом на Северном Кавказе, где оказался в оккупации.

После эвакуации жил в г. Ленинске-Кузнецком, в Комсомольске-на Амуре.

Работать начал в 1949 – токарем в МНР.

Был буровым рабочим в Казахстане, электриком в Свердловске.

С 1960 г. живу в г. Белово, Кемеровской области. Работал на строительстве, монтаже и эксплуатации Беловской ГРЭС, затем в энергонадзоре.

Последнее место работы и должность – угольный разрез «Колмогоровский», энергетик.

Кроме городской газеты стихи публиковались в областной периодической печати и в коллективном поэтическом сборнике.

Автор благодарен коллективу Беловского МППЖТ и его директору Виктору Васильевичу Карлею за помощь в издании сборника

Художественное оформление - автора

Перекресток наших душ

Он жил на перекрестке двух улиц: Имени Ленина и Юбилейной. А для нас, беловских поэтов, его дом стал перекрестком наших душ.

Сюда мы могли прийти в любое время, и нас радушно встречали, здесь можно было поделиться своими мыслями и найти понимание, потому что здесь жил Николай Михайлович Рюмин - человек большого сердца и большого ума - поэт и гражданин, человек энциклопедических знаний, но удивительно простой и скромный.

Это был истинно русский человек, истинный патриот своей Родины. Пережив страшные годы блокады Ленинграда, потеряв родителей, прожив трудное, голодное детство, он не перестал любить Отчизну и сохранил эту любовь до конца своих дней.

Николай Михайлович очень тяжело переживал распад Союза и то унижительное положение, в котором оказалась Россия по вине продажных правителей. Поэт с горечью писал:

Торгуют Россией... Отдали в удел
Мазепам, айзсаргам и ханам
Все лучшие земли, и лишь беспредел
Остался нам, русским Иванам...

Он не снимал вины за происходящее и с себя, считал, что в неоплатном долгу перед Родиной: ...Долг перед Родиной распятой,
Которую спасти не смог.

Вообще тема Родины была одной из самых больших тем в творчестве Николая Михайловича. Поэт прекрасно знал ее историю, гордился ее прошлым, тяжело переживал настоящее и свято верил в ее великое будущее:

Не век лихолетью проклятому длиться.

ОТКУДА РОДОМ Я...

Раз как-то в поезде меня спросил старик:
«Ты чей, сынок, к примеру я – калужский...»
Он сед был, словно натянул парик,
Свисали волосы на лоб, как стружки.

Его вопрос меня застал врасплох.
Я рос в вагонах, как цыган в повозках.
И потому – назвать родным бы мог
Любой вокзал, что видел из окошка.

Как говорят, уж такова судьба.
Она меня с рождения носила.
Я б у любого выпрыгнул столба,
Да не в моих совсем то было силах.

Видать, любила бабушка цыган,
И воспылала страсть в отце к дорогам...
Потом войны кровавый ураган
Кружил и гнал к неведомым порогам.

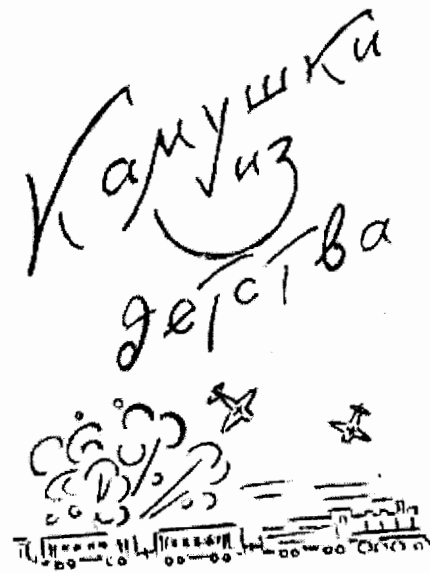
И полюбил я реки и поля.
Милей всех джазов мне – колес чечетка.
Вот только «чей, откуда родом я» –
Ответить деду не сумел я четко.

Я из Кузбасса, Крыма, из Москвы.
Мне Сталинград разбомбленный
– наследство.

А как Амур мне дорог, знали б вы!
И это все – и родина и детство.

1999 г.

6

История быстро листает страницы.
Народ от дурмана хмельного проснется
И праздник на улицы наши вернется.
Как человек высокообразованный, Николай Михайлович хорошо знал мировую литературу, знал испанский и английский языки, а немецким владел в совершенстве, чему свидетели его переводы с немецкого стихов Генриха Гейне.

Но все же самой искренней и нежной любовью он любил нашу русскую поэзию, был знаком с творчеством множества известных и малоизвестных поэтов, по крупице собирал в свою библиотеку все лучшее из того, что находил в газетах и журналах.

Пройдя суровую школу жизни, повидав за годы работы в милиции много крови, зла и человеческой мерзости, Николай Михайлович до конца дней своих остался добрейшим человеком, влюбленным в русскую природу, восторженно воспевающий места, где прошло его детство:

Тегра речка, Тегра речка,
Не широка и светла,
Самым радостным местечком
В моем детстве ты была.

За несколько дней до кончины в разговоре со мной Николай Михайлович сказал: "Смерти я не боюсь, только жаль, что мало успел в жизни сделать и еще жаль, что не дожил до возрождения России".

Умирая, Николай Михайлович просил свою жену, Людмилу Тимофеевну, передать мне тетрадь со стихами. Она выполнила его просьбу. А наш долг, долг друзей поэта сделать все, чтобы его стихи, его лебединая песня была услышана людьми, ради которых он работал и жил.

4

В стихотворении "Остающимся", давшем название этому сборнику, поэт писал:

Не ропщу, ведь всему есть предел.
Жаль, не много я миру оставил -
Только сотню стихов.. как сумел.

А на большее Бог не наставил.

В этих строках весь Николай Рюмин - мужественный, талантливый, скромный - такой, каким был всю свою жизнь.

Таким он и останется в нашей памяти.

А.КУРИЦЫН.

5

РУСАЛКА

Л. Кучере

Когда луна полночная
Отчетливо сверкнет,
Русалка белокурая
Мне песенку сплет.

Сплет русалка песенку
И скроется в волне,
И чайки белокрылые
Промчатся в вышине.

Я крикну: «Чайки милые,
Возьмите вы меня!»
И с облака далекого
В пучину кинусь я...

Звени, волна, прибрежная!
Луна, свети, пленя!
С русалкой белокурою
Вам не найти меня...

6 кл.
Комсомольск-на-Амуре.

8

МОЕЙ ШКОЛЕ

То ли это все было?
То ль не было вовсе?
Белый снег... Школьный двор...
И веселый звонок.
Двадцать пятая школа!
Пригласи меня в гости,
Чтобы всех, кто мне дорог,
вновь увидеть я мог.

Я забыть не могу
одноклассников лица,
Одноклассниц порою
твержу имена.
Отчего же разлука
нелепо так длится?
Чья, никак не пойму я,
в том злая вина?

Разве счастлив я
дружбою школьною не был?
И была мне любая беда –
не беда.
Но растаяло детство,
как облако в небе,
Чтобы больше уже
не приплыть никогда...

9

Речка Тегра

Тегра - речка, Тегра - речка,
Не широка и светла.
Самым радостным местечком
В моем детстве ты была.
В жар июльский к ней сбегали
С косогора напрямиком
И часами бултыхались
В мелком русле нагишом.
А деревня называлась
Тоже Тегрой, в честь реки,
А когда обосновалась,
Уж не помнят старики.
Как отратно зеленели
По над Тегрою луга,
А по осени темнели
Там бесчисленные стога.
В двух верстах от деревушки
Тегра с Емцею слились,
Вместе с новою подружкой
До Двины седой неслись.
От старенья нету средства.
Вспоминаю с грустью я
Свое тегорское детство,
Холмогорские края.

30.01. 98 г.

7

Где теперь Вы,
Елена Богдановна? Где Вы?
Так прекрасен когда-то
был строгий Ваш лик!..
Где русалочка Люда,
сидевшая слева?
Ее косы, наверное,
кто-то остриг.

Ни о ней ли стихи
я писал на уроке?
Рисовал ее профиль
тайком ото всех.
Ах!.. Года размели
те рисунки и строки,
Превратив ее облик
в мелькающий снег...

Я б хотел появиться
в том городе сна,
Где, как море – Амур
и где берег высок,
И нечаянно встретить
вдруг Кольку Петрова.
«Сколько зим, - прокричать ему, -
школьный дрозд!...»

Кто? И что ты?..
К чему и зачем мне все это?
Лишь бы весел, как прежде,
ты был и здоров...
Я и сам для себя
как вопрос без ответа,
А в итоге –
лишь горы наломанных дров.

Я сегодня,
как будто бы странник в пустыне.
Никого – ни друзей,
ни наставников близь.
В этом только лишь сам я,
наверно, повинен...
Двадцать пятая школа,
и все ж – отзовись!

И поверь, не причуда,
что вспыхнула, тлея –
Этот крик мой
и, может быть, голос в ответ.
Потому что, чем ты,
в моей жизни светлее –
Ничего, никогда
не бывало и нет.

1989 г.

* * *

То ли оттепель, то ли ростепель,
Как угодно ее назови,
Только плачет, звеня, капель,
Дух весенний бушует в крови.

Скоро, видно, зима оттефралится,
С ночью день, как всегда, поравняется,
Вновь природа себя повторит.

Что-то доброе нас ожидает.
Что-то светлое бродит вдали.
То ли сбудется то, что желаем?
То ль напрасно надежду сулит?

14.02 98 г.

* * *

Давно я не слышу прощального клика
Летящих в свой северный край журавлей.
Журавушки, журки, куда же вы скрылись?
И кто же извел вас, какой лиходея?
Выплыли, раскинув упругие крылья,
Над зеленью яркой полей и лесов,
И вас воспевали Жемчужников, Шиллер,
Чемров и печальный Рубцов.
Над серой пустыней российской равниной
Холодная всходит сегодня заря.
Была ты, отчизна, страной журавлиной,
А стала отныне страной воронья.

18.10.97 г.

НА ПЕРРОНЕ

Не в первый раз
стоять мне на перроне
И ощущать прощальную тоску.
Она пройдет,
она в окне потонет
Под чей-то смех
и под колесный стук.

Мне снова
дали крикнуть:
«Брось! Не надо!»
И, вырывая облепченья вздох,
Опять в груди
расправит крылья радость,
И странным станет,
что грустить я мог.

Года мои –
гудков густые звуки.
И пусть порой
не мог сдержать я слез,
Я больше верил встречам –
не разлуке.
Ах, сколько раз
меня ты, поезд, вез!

12

Меня везли ребенком
в сорок первом
Сквозь бомб разрывы,
самолетный вой.
Я вот тогда и полюбил,
наверно,
В рубцах суровых
лик, Россия, твой...

Потом...
опять вокзалы и дороги.
И каждый раз
в ознобе стыла кровь.
Но забывал я все свои
тревоги,
Когда простор России
видел вновь.

Да, что-то есть
в ее полях бессонных,
В просторе том...
а что, не разберу –
Сильней прощальной той
тоски перронной,
Сильней того,
чем в сердце чьем-то грусть.

1969г.

Осенняя осина

Осенняя осина,
Багрянцем ты горишь.
Осенняя осина,
Без ветра шелестишь.
Своей сестры березы
Ничуть не хуже ты,
Так почему же стала
Ты жертвой клеветы?
Деревом иудиным
Прозвал тебя народ,
Мол, на тебе повесился
Злодей Искарот.
Но одного не приняли
Облыжники в расчет -
У стен Иерусалима
Осина не растет.
Но недругам нейметя -
Чернить, так уж чернить -
Другим грехом осину
Решили отягчить.
Чтоб упыри не смели
Из гроба восставать,
В сердце им осиновый
Кол следует вбивать.
Вот почему, осинушка,
Без ветра ты шумишь.
От злых наветов, горькая,
Ты и в жару дрожишь.
22.10.95 г.

10

Частушки

Я достал два цветочка -
Голубой да синенький.
Приходи ко мне на ночку
Ты, мой самый миленький.

Меня маменька ругала,
Что я дома не была.
Я всю ночь на сеновале
Рядом с милым проспала.

Вышел дроля на свиданье
В самом новом картузе.
Сапоги на нем смазные
И цепочка на пузе.

Нас стреляли - не добили,
Резали - не добили.
Мы ребята шухарные -
Все на свете пропили.

Ах, ты, милый мой милаха,
Головка забубенная!
У тебя одной рубаха,
Да и та говенная.

Жарь, гармошка, жарь, гармошка,
Плясунам поддакивай.
Не глазей на Таньку, Прошка,
Сиди, не подскакивай!

11

ВНОВЬ ХОЧУ УВИДЕТЬ МОРЕ

Уезжаю от метелей,
Уезжаю от пурги,
Салаирских хмурых елей,
И от города Юрги,
От заводов, от разрезов,
Льдом закованной Томи...
Краток отпуска отрезок –
Грусть, мне сердце не томи!

Я люблю, Сибирь, твой иней,
Перелесков белый дым...
Но ведь есть еще и синий,
С самым синим морем Крым.

В санаторных там палатах
Я лежал перед войной,
Феи добрые в халатах
Колдовали надо мной.
Колдовали над другими,
Чуть дышавшими, как я.
И слагали волны гимны,
В царство сказок унося...

14

А потом кромешной силой
Разнесло младенцев рай...
Где меня бы ни носило –
Тот забыть не в силах край.

Вновь хочу увидеть море,
Услышать прибоя гром –
Лишь бы только боль и горе
Не звучали в громе том.

Имена тех фей, что были,
Чайки пусть напомнят мне...
Вы во мне, во мне, те были,
Словно камушки на дне!
С поднебесного утеса
Поклонюсь бывшему дню,
А печали отголосок
Ото всех захороню.

1971 г.

Лебедь в море, лебедь в море,
Лебедь в море белая.
Ой, миленок, если бросишь,
Я тебя заделаю!

Копакабана

Это не сказка и не мираж,
Не фата моргана.
Это чарующий суперпляж -
Копакабана.
На пять километров горячий песок
И ультрамарин океана.
Мне полежать бы здесь только денек.
Копакабана!
Вознесся над Рио бетонный Христос,
И это не странно -
Он рай из Эдема сюда перенес -
В Копакабану.
Вечный искатель удачи Остап,
Сойди со страницы романа,
Ведь это твоя голубая мечта -
Копакабана!

4.01.96 г.

ПРОСТИТЕ, ЧАЙКИ

Я иду вдоль причала,
Я иду, как во сне...
Сколько лет ты звучала,
Песня моря, не мне!

То ли дуют зюйд-весты?
То ли дует норд-ост?
Только нынче от ветра
Волны чуть ли не в рост.

Разбивается в брызги
Разъяренный прибой –
Вновь мне чудится: близкий
Разгорается бой.

Вы простите мне, чайки!
В сердце снова испуг:
Мессерами нечаяно
Я представил вас вдруг.

Снова слышу: у пирса
Наших пушек пальба...
Вон он «фриц» задымился –
Не поможет мольба...

16

Все напутали ветры:
Дым от катера лишь,
А вверху над Ай-Петри
Несказанная тишь...

Мне лучами бы греться,
Слушать песню волны,
Но не вынуть мне детства
Из кассеты войны.

1971 г.

67699-2

Когда поют ветераны

Когда поют ветераны
Заветные песни свои,
Мне кажется, ожил Фатьянов,
Взлетают его соловьи.
Опять я листаю страницы
Великих поэтов былых.
Летят перелетные птицы
На поиск гнездовий своих.
И вальс офицерский играет
Негромко оркестр духовой.
И "Темная ночь" выплывает,
Задета гитарной струной.
Далекая юность воскреснет.
Ромашковый луг позовет,
Быть может, состарится песня,
Но в нас никогда не умрет.

26.05.96 г.

* * *

Нет ни белых, ни красных.
Каждый друг другу - брат.
- Наступило согласие -
Нам твердит демократ.

Только не понимает -
Есть закон мировой -
Если кто-то жиреет,
То худеет другой.

И уж мира не будет
Среди них никогда,
И богач не уступит
Бедняку никогда.

Нет без хлеба свободы,
Как ты там ни толмачь
И краснеет голодный,
И белеет богач.

25.08.97 г.

ОГОЛЬЦЫ

Нахаловка... война...
землянки...
Снега – под самую трубой.
А вниз, в лога, летели
санки,
Где огольцы толклись
гурьбой.

Работы самодельной лыжи
Тем санкам уносились
вслед.
Там не бывал никто унижен
За то, что был смешно
одет.

Неласковых времен тех
дети –
Мы огольцами были
впрямь.
И рвал лохмотья встречный ветер,
Но был любой из нас
упрям.
С оторванным у шапки
ухом,

18

Быть может, был я
меньше всех,
Но как и все –
с трамплина ухал
И падал кувырком я
в снег.

«Тот, что из плена,
- говорили, -
Стал посильнее, наконец!»
И титул уличный дарили
Мне за отвагу –
«Оголец!»..

1987 г.

Время "Ч"

"Россия сосредотачивается".
Канцлер Российской Империи Горчаков.

Время "Ч" - то час атаки,
Час внезапного броска.
Всплеск ракетных брызг во мраке,
И в прорыв пошли войска.

Боевой устав пехоты
Все дотошно рассчитал
И комдиву, и комроты
Точно место указал.

Не пора ль тебе, Россия,
Время "Ч" установить,
Чтобы вороги лихие
Не смогли нас предупредить?

Хватит нам обороняться,
Клясть, стенать и причитать.
Час настал объединяться.
Время, братья, наступать.

Бей набат, пока не поздно!
Вновь звезда на кумаче.
Небо в тучах. Небо грозно.
Наступило время "Ч".

12.01.08 г.

16

Пора

Вставай с колен, Россия,
Сотри плевки с лица
И сбрось с покорной выи
Пропойцу-наглеца.

Давно уж грады, выси
Освобожденья ждут.
Как встарь, на лобном месте
Свершится правый суд.

Пусть на колени встанет
Пред ним бывлой пахан,
И вместе с ним предстанет
Весь беловежский клан.

Воздать всем жадным крысам,
Пролезшим в русский храм -
Курчавым, рыжим, лысым,
Картавящим вора.

Воздай им полной мерой
За все, Россия-мать!
Пусть знают изуверы,
Пощады не видать!

1.09.98 г.

17

МАЛЬЧИШКИ

Мальчишки играют в войну.
Настроив из снега доты,
Они, защищая Страну,
Ложатся на пулеметы.

Потом они снова встают, -
Как будто их не убивало...
Никто им не скажет тут,
Что так на войне не бывало.

1987 г.

22

Из пепелищ восстали
Родные города.
Мы сорок лет не знали
Что вновь грядет беда.

Что власть возьмут иуды
И рассекут страну.
Сойдет на землю Худо
И запалит войну.

Горят Ош с Ферганою,
Бендеры, Карабах.
С мятежною Чечнею
На Русь идет Аллах.

Горит страна родная
Вторую тыщу лет,
Как Феникс восставая
Опять на Божий свет.

Так будь необорима,
Могуча и сильна,
Вовек неопалима,
Святая купина.

12.07.77 г.

20

* * *

Вот и снова снег голубоватый
Устелил пригорки и лога.
Только, словно в чем-то виноватый,
Робок и застенчив он пока.

Был и я таким – когда-то в детстве –
Чересчур мечтателен и чист...
Рад, зима, тебя я вновь приветствовать,
Пусть восходов холодны лучи!

По душе мне и мороз и иней.
И, как будто никаких забот, -
Вновь смотрю с восторгом в бледно-синий
Мест родных родной мне небосвод.

Время, ты меня не изменило:
Не похож давно я на юнца, -
Но все то, что в детстве было мило,
Остается милым до конца.

1970 г.

23

Российские рапсоды

Поет под шарманку "Разлуку"
Подпивший солдат отставной.
Под Шипкой оставил он руку,
Помечен турецкой войной.

Слепым из-под стен Ляояна
Другой возвратился солдат.
О сопках, покрытых туманом,
Запел под тальянку не в лад.

И снова, уже мировая,
Страну захлестнула война.
Средь Пинских болот утопая,
Хватил унтер лиха сполна.

Он газов хватил на германской,
Но выжил фельдфебель лихой,
Выводит на скрипке крестьянской,
Как вертится шар голубой.

Юшунь штурмовал конармеец
Остался с одною ногой,
Но "Яблочко" все же сумеет
Сыграть на гармошке губной.

"Вельтмейстер" трофейный терзая,
Про синий платочек поет,
По жестким вагонам шагая,
С лицом обожженным пилот.

21

* * *

Иду, где потемней
дорожки,
Где больше снегу,
меньше льда,
А месяц сверху
строит рожки.
Мне с этим месяцем
беда.

Такой он
несерьезный слишком:
То вынырнет,
то вновь нырнет.
И что возьмешь с него?
Мальчишка!
Звездой, того смотри,
пульнет.

Чтоб я не юморил
напрасно
Над озорством его
при том,
Что сам я вел себя
ужасно,
Был, как и он –
озорником!

24

С моста нырял,
на крыши лазил,
По снегу бегал
босиком...
И вот, как будто кто-то
сглазил –
Плетусь,
леча себя стихом.

Март, 1991 г.

В афганском рябом комуфляже
Стоит с костылями солдат.
Гитарные струны расскажут
Про Кандагар и Герат.

И вот уже век на исходе,
А войнам не видно конца.
Чеченский синдром на подходе -
Расхлебывать новым певцам.

О, ратные наши рапсоды!
Свидетельство русской беды.
Вы совестью были народа.
Не сгладятся ваши следы.

15.08.97 г.

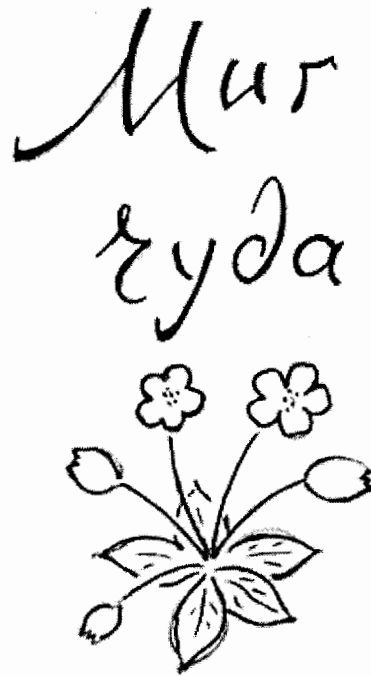
Пока с нами песня

Держава в руинах,
Растоптано знамя.
Двуглавый орел
Вновь клекочет над нами.
И гордое слово "товарищ"
Забыто,
И прошлое наше
Затерто, замыто.
Но память не выжечь,
Не смять сапогами.
Мы старые песни
Поднимем, как знамя.
Давай же, товарищ,
Усядемся рядом
И вспомним "Орленка",
Затянем "Гренаду".
Согреют пусть нас
Опаленные строки.
Пока с нами песня
Мы не одиноки.
Не век лихолетью
Проклятому длиться.
История быстро
Листает страницы.
Народ от дурмана
Хмельного проснется,
И праздник на улицы
Наши вернется.
14.10.94 г.

ОДА ВЕСНЕ

Оттай, душа!
Угрюмство, сгинь
С последней мартовской метелью!
Чтоб опьяняла неба синь
И удивляла легкость в теле.
Я быть хочу, я быть хочу
В плену у радости - не грусти.
Весна! Ты не чета врачу,
Который вам рецепт отпустит
И вымолвит: «Три раза в день
По порошку и ложке чайной...»
Не выдаешь ты бюллетень,
Но исцеляешь ты отчаянно!
Груба порой судьба и зла...
К любому ты спешишь с участием.
Ты лечишь близостью тепла,
Надеждой новою на счастье.

1970 г.

26

Орленок-95

Орленок, орленок парит в поднебесье,
С тоской озирая страну.
Надолго умолкла великая песня,
Во вражьем томится плену.

Орленок, орленок кружит удивленно.
Откуда такая напасть?
Куда подевались орлят миллионы
И где же орлиная власть?

Орленок, орленок, товарищ крылатый,
Убита орлиная власть,
А вместо орлят народились цыплята.
Им лишь наклеваться бы влечь.

Орленок, орленок, кружи, не сдавайся.
За лихо расплата грядет.
До солнца сквозь черную мглу пробивайся.
Добудет свободу народ.

20.10.95 г.

Опять тополя бронзовеют,
И лето ушло на закат,
И снова душа сожалеет,
Что годы так быстро летят.

Поблекла небесная просинь,
Горелюю пахнет листвою.
Быть может, последняя осенью...
Пусть будет она золотой.

4.08.97 г.

* * *

В. Булановой

Опять покрылось небо мглою,
И на душе опять серо.
Опять с томительной тоскою
Ищу бумагу и перо.

И что-то грустное и злое
Таит рябая муть в себе.
И мчится сердце молодое
К одной тебе, к одной тебе.

И рифмы вдруг возненавидев, -
Ныряю в непроглядный снег!
Чтобы тебя, тебя увидеть,
Тебя одну, одну из всех.

Красноярск 9,
ст. Базаиха, 1950 г.

28

* * *

Стонет ставня, словно мерзлый полоз.
Мертвый свет свой месяц на пол льет.
И далекий, заунывный голос
Плачет, и рыдает, и поет:

«Спи, умри, душа твоя устала.
Не горюй, не думай ни о чем.
Вас таких в земле уже не мало,
Позабывших в мире обо всем.

Не горюй, расстанься с этим светом,
С этой глупой, брэнной суетой.
Над холмом могильным с каждым летом
Просыпаться будешь ты душой.

Равнодушным к ласке и обиде
Суждено тебе отныне быть -
Никого уж не возненавидеть,
Никого не будешь и любить...»

Лоб горячий тронув чуть рукою,
Понимаю я, что это - бред...
Из окна с космической тоскою
Месяц на пол разливает свет.

1954 г.

29

Белостишьё

(Всем поэтам, великим и незнаменитым)

Успокоились вы, успокоились -
Кто в Михайловском, кто на Волковом.
Те - в Некропольском, на Ваганьковском
Или, может, на Новодевичьем.

Этот - в Вологде. Та в Елабуге.
Кто на дне морском. Кто в Донской земле.
Кто во рву лежит. Кто в окопчике.
Кто под звездами магаданскими..
Монастырь Донской чей-то прах хранит
Невостребован...

Невостребован...
Над твоей землей, Белоруссия,
Буйный ветер кружит пепел...
Под Парижем лежат кости Бунина.
Вы два века нас беспокоили,
Словом жгли сердца наши праздные,
А теперь навек успокоились.
Успокоились,
успокоились...

9.08.96 г.

Рязанская диалектика

"Розу белую с черной жабой
Я хотел на земле повенчать."
Сергей Есенин.

Был ты нежным, весь в злате кудрей,
С голубой поволокою глаз,
Но в угаре запойных ночей
Блеск очей твоих быстро угас.

Уходящую Русь провожал,
Подавляя сердечную грусть,
Но едва конь стальной проскакал,
Ты восславил Советскую Русь.

Больше жизни Россию любя,
Всю "в березовом ситце" страну,
Вдруг запел про персидский Шираз,
Голубую Босфора волну.

Непрестанно судьбу теребя,
Не обрел ты желанный покой.
"Радуницей" ты начал себя,
А закончил "Кабацкой Москвой".

24.08.77 г.

* * *

За окном морозная,
голубая ночь.
Месяц улыбается,
светит во всю мочь.

Что ж ты разулыбился,
лысый чародей?
Много ль ума-разума
в голове твоей?

Вот глядишь ты призрачно
из-за облаков,
А тебя на землю бы –
Не был бы таков.

Злые люди-нелюди,
все вокруг губя,
Быстро очернили бы
светлого тебя.

Чтоб не улыбался ты,
глядючи в лицо, -
Сделали б калекою
или подлецом.

30

Оттого, наверно, ты
высоко залез.
Хорошо ли там тебе
в холоде небес?

Знаю, не ответишь ты
ничего в ответ.
Разливай по-прежнему
свой холодный свет!

1954 г.

Тринадцатый апостол

Был не прилизан, не причесан
Твой стих шахтерский боевой,
Был угловат, чуть неотесан,
Шероховат бывал порой.

Всегда болел ты нашей болью,
И нашим смогом ты дышал,
И ненавидел пустословье,
В добро ты веру воскрешал.

И кто-то рек: "Ты лишь Белова,
Его окрестностей поэт",
А мы гордится тем готовы,
Что город наш тобой воспет.

Мы тоже не космополиты.
Вот малых родин колыбель -
То Сростки, Марьевка и Питер,
И Вологда, и Коктебель.

Из малых родин вся родова,
Россия наша состоит.
Как капля море, так Белово
России образ отразит.

Ты наш, тринадцатый апостол,
Исполнил новый свой завет,
И путь свой прошагал не просто.
Не наследил, оставил след.

28

Б.Окуджаве

Да, я любил тебя, Булат,
(И вся страна любила).
Тогда ты был не демократ
И в песнях не фальшивил.

В троллейбус синий я входил,
С тобой дежурил по апрелю,
Арбат твой старый полюбил
И в часовых любви поверил.

Пришли иные времена,
Иную выбрал ты свободу -
Рукоплескать, когда война
Была объявлена народу.

Во власть Советов ты стрелял
С безбожным Президентом вкупе.
Себя, былого, убивал,
При жизни оказавшись трупом.

Ты не падешь уже на той,
На той далекой, на гражданской,
И в пыльных шлемах комиссары
Уж не склоняться над тобой.

3.10.94 г.

29

* * *

Здравствуй, май!.. Раскованность!..
Свобода!..
Долгожданный говор первых гроз!..
Сгинь, шальная, злая непогода!..
Прочь от сердца, холод и мороз!

Вновь душа отворена для страсти,
Для мечтаний светлых о любви...
Кто ты будешь, в чьей я буду власти?
Поскорей себя мне назови!

Будет час, быть может, предвечерний,
И закат уже начнет алеть –
Я приду к тебе, как друг твой верный,
Только ты узнай меня и встречу!

Чувства я свои скрывать не стану –
Ждал тебя я слишком много дней.
Целовать тебя я не устану,
Ты со мною тоже будь нежней!

О былом не спрашивай, не надо,
Мрачных дум и грусть не наводи...
Здравствуй, май!.. Души моей – отрада!
Голубым огнем пылай в груди!

1954 г.

32

Ивану Молчанову

(Не сибирскому, архангельскому)

Как ты пел, Иван Молчанов,
В те, двадцатые года!
Твое имя замолчали,
Будто не жил никогда.

А тогда какие страсти
Закипали вокруг тебя!
Взъелась рапповские власти,
Твои песни не влюбля.

Маяковский (он таковский)
Тебя тоже не забыл
И в своей манере броской
В "Комсомолке" разгромил.

За "Свиданье", где с надрывом
Ты любимой дал отвод,
Чтоб с другою под обрывом
Отдохнуть у тихих вод.

Но не в этом твоя слава
(Нету худа без добра),
Разошлась по всей державе
Песнь про Дьякова Петра.

Пусть пришла пора иная.
Поколеньям - свой черед.
Песню ту, творца не зная,
И сейчас поет народ.

30

* * *

За окном всю ночь грустит гармоника...
Может, кто-то в первый раз узнал,
Как его, девичьих глаз поклонника,
Сердцеед какой-то обогнал.

И пускай в его груди смятение,
Плачет пусть гармоника о ней, -
Разве он предъявит обвинение
Той, что всех безвинней и нежней?

Виновата разве в том любимая,
Что он так доверчив, но не смел?
Так пускай, пускай теперь с другим она,
Раз ее увлечь он не сумел.

Ведь тому, кто в первый раз влюбляется,
О любви не рассказать своей...
Оттого, наверно, заливаается
За окном какой-то «соловей».

Июнь. 1956 г.

33

Мне ж милей другие строки,
Пережитые тобой.
Помню с детских лет далеких
Тот напевный голос твой:

"Сядь со мной, моя голубка,
Побеседуем втроем:
Ты да я, да еще трубка
С Дагестанским табаком".

21.09.97 г.

31

МАЙСКАЯ НОЧЬ

Помню майскую ночь
в том заветном саду
И сирени кусты
в серебристом цвету.

Золотила луна
рябь седых облаков,
В грудь вливался волной
нежный запах цветов.

Нам не пели с тобой
тогда соловьи.
Без признаний и слез
мы открылись в любви.

Ты прижалась ко мне
от прохлады ночной...
До сих пор не пойму я, что
было со мной.

Целовались с тобой
мы тогда до утра.
Виновата в том
юная наша пора.

34

Незаметно и быстро
растаяла ночь...
Сколько лет с той поры
пролетело уж прочь.

Ничего не осталось
от юной любви.
Позабылись
и губы, и руки твои.

Только майская ночь
и тот сад при луне
Часто видятся мне,
часто видятся мне.

1956 г.

Последняя из могикан

"Валерия Борц, последняя из членов знаменитой "Молодой гвардии" скончалась 14 апреля 1986 г. в военном госпитале им Буденного." (Из газет).

Она читала "Катриону"
В своем саду в июльский день,
Когда над тихим Краснодоном
Зловещая нависла тень.

Дымя бензиновою гарью,
Вползла железная орда.
И детство кончилось - день за три
Зачтутся девичьи года.

Она не пряталась от смерти,
И не ее была вина
В том, что друзья ушли в бессмертье
На много раньше, чем она.

И клятву молодогвардейцев,
Что Родине тогда дала,
Святую клятву, клятву мести
Она достойно пронесла.

Да, были, были могикане
В степной лагунской стороне,
Пусть не такими, как в романе,
Но духом с ними наравне.

32

Из них лишь ей одной досталось
Дожить до нынешней беды,
Скорбеть, что Родина распалась,
Познать приход иной орды.

Кто ей явился в час прощальный,
В преддверье жизни неземной,
В тиши палаты госпитальной?
Сергей Тюленин? Кошевой?

22.04.96 г.

33

МИГ ЧУДА

Зелен день...
Ах, как всегда их мало –
дней таких!
За ними желтых рать
явиться с печалью о зеленых,
с ожиданьем вихря
белых дней.

Белые
без всяких сентиментов
вдруг нагрянут,
будут длиться долго.
Но опять
придет всем дням начало,
как салют –
стоцветная весна.

В смене дней,
летающих по орбите,
каждый миг
встречаю я как чудо...
Только знаю:
чуда нет чудесней –
в майский день
цветка рожденья миг.

1985 г.

36

Из Генриха Гейне (переводы)

Утес рукописный из моря торчит,
Сажу на нем, думами полный,
И ветер свистит, и чайка кричит,
И мечутся, пенятся волны.

Прелестное прежде любил я дитя
И добрых приятелей многих -
Где ж ныне они? Только волны кипят
Да ветер свистит одинокий.

8.07.94 г.

№ 51

Ядом полны мои песни -
И как им другими быть?
В жизни моей цветенье
Яд был тобою влит.

Ядом полны мои песни.
Как стать им другими вновь?
Ведь змею я ношу в своем сердце
И тебя, дорогая любовь.

№ 49

Когда расходятся двое,
То руки друг другу дают,
И непрестанно вздыхают.
И слезы прощальные льют.

34

СВЕРДЛОВСКУ

До свиданья! До новой встречи!
Милый город, я так привык
К твоим улицам, к твоей речи,
К зимним будням за чтеньем книг.

Под листвою зелено-крылатой –
Это помню я, как сейчас, -
Ты принял меня, словно брата,
Незнакомому – в ранний час.

Душу юную взбудоражил,
Закружил и влюбил в себя.
И теперь вот мне странно даже,
Что с тобою прощаюсь я.

В полдень мой отбывает скорый,
И печален я, и счастлив.
Домом будут мне степь и горы,
Одеялом – зари разлив.

А когда будет звездно, лунно,
Вдруг замрут друзей голоса –
О тебе под шальные струны
Кину песенку в небеса.

Свердловск, 1957 г.

37

Не плакали мы с тобою,
Вздыхая, увы, не раз.
Вздохи эти и слезы
Позднее настигнут нас.

Лирическое интермеццо

23

Отчего эти розы бледны,
Моя радость, скажи отчего:
Голубые фиалки немые
Средь зеленой травы отчего?

Отчего же чистая трель
Жаворонка звучит в небесах?
Отчего запах тлена теперь
Из душистых доносится трав?

Отчего отчужденно, немилостиво
Светит солнце на эти луга?
Отчего же земля, как могила,
И сера, и пустынно глуха?

О, любовь моя, ты мне скажи
Отчего хмурый я и больной?
О, скажи, дорогая, скажи
Отчего я покинут тобой?
14.12.97г.

25

И липы цвели, и пел соловей,
И солнце приветно смеялось,
Целуя меня, ты рукою своей
К роскошной груди прижимала.

35

КАЗАХСТАНСКОЕ УТРО

Тишина. Рассвет над Казахстаном.
Небо мутно, словно в молоке.
Тишина, но где-то неустанно
Тарахтят моторы вдалеке.

Это утро хмурое, сырое.
Только дни такие здесь редки.
С прошлогодней выжженной травой
Пустыри я вижу да пески.

Здесь вокруг на сотни километров,
Было время, сколько не кричи, -
Только свистом вам ответят ветры,
Да столбом завихрятся смерчи.

А сегодня в дикие просторы
Юность дерзко направляет сталь,
И недаром тарахтят моторы,
Будоража дремлющую даль.

Там вон видно, как у переката
Самосвалы в степь везут зерно.
И сигналият, торопясь, ребята -
Шоферня друг другу озорно.

38

Да и я ведь здесь не лишний третий:
Буровая вышка за холмом
Через час и примет, и приветит,
Словно это мой родимый дом.

Здесь мы все - целинник и геолог,
Кто грустить от скуки не привык, -
Поднимаем тайных кладов полог,
Открываем новый материк.

*Домбаровка,
Актюбинская обл.
Уральская геол. разв. партия.
1957 г.*

Опала листва, глухо ворон кричал
И солнце смотрело гневно,
Друг другу сказали мы сухо: "Прощай!"
Ты сделала книксен учтиво.

62

Самоубийц погребают
На перекрестках дорог,
И там голубой возрастает
Несчастной любви цветок.

Ночью глухой и темной в печали
Стою на скрещенье дорог.
Еле колышется в лунном сиянье
Несчастной любви цветок.

19

Несчастливая ты, но я и не гневлюсь -
Любимая, ведь мы несчастные оба!
Пока не разорвет им смерть большую грудь,
Любовь моя, несчастны будем оба.

Я вижу, как твои язвительны уста
И как твой взор сверкает своевластно.
Колышет грудь твою гордыни суета,
Но, как и мне, тебе все так же больно.

Невидимая боль уста твои снедает,
И слезы сироты очей туманят свет,
И раны тайные грудь чистую терзают.
Любимая, вдвоем нести нам этот крест.

36

48

На дивных твоих щечках
Пылает летний зной,
Но сковано сердечко
Зимою ледяной.

Должна ты, дорогая,
Все это изменить!
Зима теперь на щечках,
А лету в сердце быть.

52

Старый мне снова приснился сон:
Майские ночи настали.
Сидя под липой, мы клятву вдвоем
На вечную верность дали.

Клятвенный слов нескончаем поток,
Лобзанья и ласки вместил он.
И, чтобы я клятву запомнить смог,
Ты руку мою укусила.

Как ясны, любимая, очи твои!
Прекрасна ты и зубаста!
В полном порядке клятвы мои,
Укус же был явно напрасным.

37

ВЕСЕННИЙ ДЕНЬ

Опять в поселке
шум и звонкий смех,
И на душе опять –
то грусть, то радость.
Причин особых нет, –
а просто снег
Сошел на нет,
чернея у ограды.

Девчонки прыгают,
заняв сухой асфальт.
Я обхожу их,
наступая в лужи.
И встречных женщин
лиц овал
Немножко
голову мне кружит.

А ветер, ветер –
буйный мальчуган
Свистит в три пальца,
разгоняя тучи.
И тянется рука в карман,
Чтоб записать про все...
на случай...

1968 г.

40

МОНОЛОГ ЧУДАКА

Я опоздал, я опоздал!..
Я все хотел на лыжах выйти,
А снег – уже водою стал,
Хоть в лужах плавай на корыте.

Теперь бы хоть не прозевать,
И лишь апрель всю сгонит воду,
В логах подснежников нарвать...
К стыду – я их не видел сроду!

А как нарву – то подарить...
Кому дарить? Ведь нет любимой!..
Вот, завтра встану до зари –
Промчись попробуй, время, мимо!

1968 г.

41

* * *

Я, конечно, не сокол и явно - не уж.
Просто гриновский вечный бродяга,
Собиратель любых поэтических душ,
Только б жили в них честь и отвага.

Любы мне и задумчивый Блок,
И пронзительно-грустный Есенин,
И изысканный тютчевский слог,
Неисчерпанный пушкинский гений.

По душе мне великий бунтарь
И оболганный днесь Маяковский,
И Высоцкого гневный словарь,
И элегия песен рубцовских.

Всех не счесть, имя им - легион!
Как щедра на таланты Россия!
Жаль, что годы мои под уклон.
Что собрал, не успею осилить.

15.07.95 г.

38

Мы из УГРО

Мы вышли в суровую пору
Под посвист метельных ветров,
И нечисть ползла в свои норы,
Прослышав: "Пришли из УГРО".

Мы шли сквозь разруху гражданской,
Сквозь НЭПа тяжелый угар,
Под пули обрезов берданских,
Под финки бандитской удар.

Но мы разогнали "Хитровку"
И "Лиговки" пьяной шпану.
Сменивши наган на винтовку,
Ушли на большую войну.

Но милосердия эра
И после войны не пришла.
И снова натянуты нервы.
Пока не раскрыты дела.

"ТТ" прикипает к ладони,
В стволе беспощадный свинец.
Облавы, засады, погони,
Но злу не приходит конец.

Как вестник возмездья суровый
Сверкает кинжально остро
Короткое слово, чеканное слово,
Разящее слово "УГРО".

14.01.98 г.

39

* * *

На призывный крик скворца
Выхожу весне навстречу:
Все и всюду без конца
Одарилось снова речью.

Там и тут поют ручьи,
Воробьи горланят хором...
Словно кто-то поручил –
Мне опять умчать за город.

Снова синь в глаза мне бьет,
Даль опять передо мною.
Ощущаю, словно взлет,
Притяжение земное.

Рад оттаявшим буграм,
Зла зиме не поминая...
Так ли много надо нам?
После вьюг – дожждаться мая.

1980 г.

42

* * *

Холодны пускай рассветы –
Зелена еще трава,
И про лето
у поэтов
Недошепчены слова.

До утра считает звезды
Одуванчик на лугу.
Отпуск взяв,
совсем не поздно
В степь сбегать,
уйти в тайгу.

Мне не даром постоянно
Нынче снятся все ясней
То скалистые Саяны,
То бурлящий Енисей.

Не рыбак я,
не охотник.
Этой страсти я лишен.
Я брожу всего охотней
Просто так...
С карандашом...

Ничего не надо,
кроме:
Роль скитальца полюбя,
Ощущать,
как мир огромен
И песчинкою – себя.

1976 г.

43

* * *

Жизнь пройти - не поле перейти

Пословица.

Перешел я жизненное поле
И стою у бездны на краю,
А в душе ни горести, ни боли,
И ни в чем судьбу я не корю.

Всех своих и счастливых несчастий
Был я сам усердным кузнецом,
И умру я, видно, без причастья,
Хоть крещен был питерским попом.

Вы меня, не обессудьте, люди!
Да, грешил. Да, был и клят и мят.
Много ль вас непогрешимых будет?
Кто из вас воистину был свят?

Жизнь моя, была ты полосатой,
Но зато не скучной никогда.
Есть что вспомнить мне перед закатом,
Перед шагом в Лету, в никуда.

10.11.95 г.

Остановиться, оглянуться...

(Современное присловие)

Остановился, оглянулся,
А жизнь, считай, уже прошла,
И круг земной уже замкнулся,
А благодать не снизошла.

Не надевал я облаченья
Ни господина, ни слуги.
И вот оставил, к сожаленью,
Лишь неоплатные долги.

Долг перед матерью покойной,
Чью старость так и не согрел,
Долг перед старым другом школьным,
Кого забыть уже успел,

Долг перед Родиной распятой,
Которую спасти не смог...
За все грехи придет расплата,
Коль не востребован урок.

Ах, если раньше бы очнуться,
Остановиться, оглянуться.

8.12.97 г.

ЧТО ЖАЛЕТЬ О ТОМ ЦЫГАНУ

(Пой, цыганская струна!)

Эй вы, бубны!.. Эй вы, струны!..
И цыганских песен грусть!..
Уж не в том ли поле лунном
Родились вы, что и Русь?..

Удаль, горе, смех сквозь слезы –
Все, как ярый ураган...
Свист пурги и скрип полозьев...
Так страдал, так жил цыган.

И куда стремились кони?
Где цыгана ждал очаг?
И мольба какой иконе
У него жила в очах?

То зима, то снова лето...
То селение, то яр...
Свет костров... И до рассвета
Скрипок плач и звон гитар.

И в рыдальных лился песнях
Роковых страстей разгул...
Только кони неизвестно
Под какой исчезли гул.

И в какие скрылся дали
Табор? Может, в небеса...
Чьи-то души отстрадали,
Чья-то высохла слеза...

И уже не яр – эстрада,
Не луна – прожектора.
И не знает внучка Радда
Про далекое вчера.

Что жалеть о том цыгану,
И цыганке что тужить?..
Свой шатер покинув рваный,
Вы ушли в другую жизнь.

Пусть звезда вам ярче светит
И в зенит летит она.
Только вновь про степь и ветер
Пой, цыганская струна!

Про любовь, звени, про очи,
И про радость, и печаль,
Да про тот костер, что ночью
Звал в обманчивую даль...

Эй вы, бубны!.. Эй, гитары!..
И цыганских песен грусть!..
Только грянут – я в ударе
Им в любви своей клянусь.

1981 г.

Остающимся

Выхожу на последний рубеж.
Чья возьмет? Я не знаю, не знаю.
Не питаю я твердых надежд.
На один только шанс уповаю.

Меч дамоклов завис надо мной,
Волосочек так тонок, так тонок...
А за левым плечом, за спиной
Заливается смехом бесенок.

Все же, канцер, меня ты достал
На пороге грядущего века.
Как дожить до него я мечтал!
Не успел... Вот последняя вежа.

Не ропщу, ведь всему есть предел.
Жаль, не много я миру оставил -
Только сотню стихов ...как сумел.
А на большее Бог не наставил.

Если выпадет все же "зеро",
Не скорбите, а, впрочем, поплачьте.
Помяните не лихом, добром,
И оденьте в посмертное платье.

Содержание

Речка Тега.....	7
То ли отмель, то ли ростепель	8
Давно я не слышу прощального крика.....	9
Осенняя осина.....	10
Частушки	11
Копакабана	13
Когда запоют ветераны	14
Нет ни белых, ни красных.....	15
Время "Ч".....	16
Пора	17
Торгуют Россией	18
Трансвааль	19
Российские Рапсоды	21
Пока с нами песня... ..	23
Орленок-95	24
Опять тополя бронзовеют	25
Белостишие	26
Рязанская диалектика	27
Тринадцатый апостол	28
Б.Окуджаве	29
Ивану Молчанову	30
Последние из могикан	32
Переводы из Гейне	34
Я, конечно, не сокол... ..	38
Мы из УГРО.....	39
Жизнь пройти - не поле перейти	40
Остановиться, оглянуться	41
Остающимся	42

МАХНЕМ НА СЕВЕР

Махнем на Север!
В тундровую зыбь...
Не за рублем,
хоть он совсем не лишен.
Одной там выюге
можешь крикнуть:
- Сыпь!
А будешь сразу –
десятью услышан.

Там, говорят, олени на рогах
Издалека
приносят счастье
людям.
Там можешь в топях
рыжих
и в снегах
Ты испытать, как путь бывает
труден.

Махнем на Север!
И пускай огнем
Сгорит все слабое в нас
и пустое.
Мы не за то ль
себя порой клянем,
Что в собственных
глазах
так мало стоим.

46

Махнем на Север!
Ночь там – белый день,
А днем лучи «Медведиц»
бьют отвесно.
Я точно знаю:
в тундре, как нигде,
Простор любой
фантазии
и песне.

Еще в тебе
не так уж мало сил,
Уютом призрачным
еще не сломлен.
Немало ты когда-то
колесил.
Давай-ка вновь,
мой друг,
Мы юность вспомним!

Махнем на Север!
Чтоб в конце,
потом...
Ты мог поведать –
пусть узнают внуки, -
Что изваять на льдине
можно дом,
Но ничего не сотворить –
на скуке.
1975 г.

НА ДАМБЕ

Заката как будто
страницы листаю:
Вдоль дамбы иду я
и Блока читаю.
Читаю стихи
над озерною рябью.
Я душу стихами
ничью не ограблю.

Кедрач и осины
застыли, внимая.
Мне кажется,
Блока они понимают.
И, может быть, видится
профиль им тонкий
Таинственной блоковской
незнакомки.

...Она появлялась
из сказочной дали.
Поэта мечта! Вообще
Ты была ли?
Была?.. Или, может -
все вымысел это?
Пусть это –
останется тайной поэта...

А я... незнакомку
свою вспоминаю.
И то, что она существует, -
я знаю.
Но ей безразлично –
отлично иль плохо
Сейчас я читаю
над озером Блока.
Зато в утешение:
волны – три крошки –
Я смолк – заплескали
в сырые ладошки.

1992 г.

НА БЕРЕГУ

А катер мой не дождался
Пока я с горы сбегу.
Напрасно я звал, метался
На утреннем берегу.

Как лебедь, неторопливо
Он отошел в тот миг,
Когда я, почти счастливый,
Причала ногой достиг.

Он скрылся в тумане белом.
Навстречу солнца лучам...
На берегу был я – телом,
Душою – был с ним я, там.

Мне катер казался чудом,
И виделся люд на нем:
Инопланетным людом,
С небесным в глазах огнем.

И были мне так до боли
Все те, кто там плыл, близки,
Что стискивал поневоле
Ладонями я виски.

Но воздух лишь стал прозрачным,
И катер себя принес, -
Увидел я, как невзрачны
Его и корма, и нос.

И люд был, сошедший, тоже –
Обычный, земной вполне...
Лишь час тому – отчего же
Кричало все так во мне?..

Ах, глупое наваждение!..
Воображенья бред!..
Ни этим ли, тем не менее, -
И дорог мне этот свет.

1985 г.

АРТЫШТА

Что говорить,
не сельский житель я,
Но и совсем —
не обожатель лоджий...
Мне видится:
сырая колея
И перемешанный со снегом
дождик.

Деревня видится мне
Артышта,
Где за оградами —
овраг дремучий...
Ах, живописцы!
Как вас в те места,
Я удивляюсь,
не забросил случай?

Там все, что надо:
сосны и холмы,
И дым из труб,
и березняк, и поле...
Вот заявлюсь туда
среди зимы
И попрошусь
преподавать там в школе...

В той, что стоит спокойно
на краю,
И от которой веет так
уютом.

И, может, буду я
судьбу свою
Благодарить,
зарю встречаю утром.

И я скажу ученикам своим,
Что поэтичной
нет угла в округе,
Что повезло
в селе родится им,
Где был я только гостем на досуге.

1983 г.

УГОЛЕК

Не подземный, и все ж – забой.
Слева – сланцы, а справа – уголь.
Из романтиков здесь любой
Доказать свою сможет удал.

Я про удаль совсем не ту,
Что порою – хамит и лает...
Уголь чувствует доброту,
Душу чуткую понимает.

Если ковш – не дракона зев,
Коль в чести – и предел и мера,
Уголь, хмурость преодолев,
Станет дружбы, поверь, примером:

Чтоб не снилась тебе печаль,
Что остыли вдруг всюду печи,
Скажет он: «Мне огня не жаль!
Грейся, праведный человечек!»

Удаль мудрою проявляй,
Управляя железной силой, -
Только рая не разоряй
На планете – и камню милой.

56

Речка рядом – ее не тронь!
Не распли ни ежа, ни лося –
Лучше в руки возьми гармонию,
Чтобы им веселей жилося...»

Если глух к речи камня ты,
Все на свете презрел каноны –
Неминуемо – жди беды,
Дуралеевой жди короны.

Коли рай превратил ты в ад
То ль по глупости, то ль во гневе –
Проклянет тебя стар и млад,
И дитя, что еще во чреве...

Уголек, не кричащий век,
Слышишь, нынче взывает в дрожь:
«Будь разумнее! Ты ведь можешь!
Ното Sapiens! Человеч!»

1989 г.

В БОЛЬНИЦЕ

В это летнее утро в росе
Я сбежал из больничного плена,
Чтобы все, до единой чтоб все,
Алым соком наполнились вены.

Ах, внимательный докторши взгляд
Держит память заворожено!
Только душен мне воздух палат –
По дорожке бегу стадионной.

Впереди старикан с бородой.
Мы, как спутники в вихре орбиты.
Он уж круг завершает шестой –
Я упал на втором, – как убитый.

Знать, ему, «Бороде», стадион
Стал давно врачевателем-другом.
По сравнению с ним я – пижон.
Оттого и подвержен недугам.

Не бежал я всю жизнь, а спешил.
Ни в Венеции не был, ни в Нице.
Словно только мечтою и жил
О какой-нибудь милой больнице...

К половине восьмого опять
Я на койке, как голубь подбитый...
Завтра встану не в шесть я, а в пять –
Сердце выведу на орбиту.

*Июнь, 1989 г.,
Белово, больница № 1, палата № 2.*

НА РИЖСКОМ ВЗМОРЬЕ

Я на взморье Рижского залива.
Мир вокруг и сказочен, и прост:
Серебристой волны машут гривой,
Чудо-сосны – в великанский рост.

Проплывают в тишине, как вечность,
Лебединой стаей облака.
Из Сибири отпускник беспечный,
Удивлен я и смущен слегка.

Я не ждал, что так необычайно,
Нежно будут волны петь у ног.
Только мнится: лет немая тайна
Холодит прибрежных дюн песок.

Видно, с моря злые каравеллы
Разгоняли дюн глубокий сон.
И в сраженьях новых гром обстрела
Заглушал людей и сосен стон...

Я иду. В моей душе молитва
По убитым в разные века.
Да исчезнет, сгинет слово «битва»!
Мир вам, дюны, волны, облака.

У меня чиста пред вами совесть.
Может, этим – только и счастлив.
Не латыш пускай я, не литовец –
Синь твою боготворю, залив.

1968 г.

* * *

Охватило пыланьем листья...
Только веткам вдруг зябко стало.
Это осень лисой огнистой
Заметалась и замелькала.
Зря не цель в ту лисицу выстрел,
И не ставь на нее капканы:
Видишь, ветер как лечит быстро
На дрожащей осине раны.
Видишь, след исчезает лисий
За дорожкой, там, где колки...
Скоро, скоро вот с этих высей
Полетят метелей иголки.
Лишь останется от пыланья,
От мельканья лисицы рыжей
Боль жестокая расставанья,
Словно сам я горел, да выжил...

1968 г.

60

* * *

Ах, осень! А осень такая!
В поступках своих вольна,
Желаниям потакаая,
Все дарит тепло она.
И как от улыбки любимой,
Иль друга пожатья руки –
То грустно неодолимо,
То весело вопреки
Тому, что уже на излете
Рябинных костров пора, -
Но новое в своей плоти
Деревьев таит кора.
И новому этому снова
Шуметь и всюю цвести...
И в муках рождения слова
Кому-то опять брести.

1983 г.

61

ИСПОВЕДЬ «ДОН-КИХОТА»

Кружись и шурши, листва!
Где лето?.. Где силы вешние?..
Частицы от естества,
Уже мы почти нездешние.

Дотпели чувства. Конец.
Одни лишь вспышки эмоций.
И сам я почти мертвец.
А может – броситься с моста?

Но вздрогнула вдруг душа.
О, рыжая осень-львица!..
Ах, как бы, тоску глуша,
Хотелось опять влюбиться!

Хотя бы – вон в ту сосну,
В обрыва изгиб летящий, -
Чтоб, отходя ко сну,
Опять казалось, что счастлив.

Чтоб наплывал покой,
И ... выплывали строки, -
Когда я коснусь щекой
В безбрежной степи осоки.

И чтоб – по утрам мой пес
Будил меня громким лаем,
В знак верности мокрый нос
В ладони мои толкая...

62

О степь! О зоря! О плес!
Я нужен вам, чую кожей.
Умрет без меня мой пес.
Без вас – я исчезну тоже.

Для женщин же я вполне
Помешанный – и не боле.
Вот вижу: навстречу мне
Летит Дульсинея-Оля.

«Ты мой, - кричу, - идеал!..
Я – Дон-Кихот усталый!..»
Лишь хохота дикий вал –
В ответ из губ идеала.

И все же, хоть в сердце боль,
Собою вполне владею...
Мне б только не сбиться на роль
Какого-нибудь злодея.

Так страшно, чтоб шелот: «Вор!» –
В лицо вам... Я протестую!
Пускай, чем этот укор –
Сожгут или четвертуют...

И пусть я – убог и сир.
Согласен, с клеймом изгоя,
Любить все ж тот самый мир,
Лишен в котором покая.

1992 г.

НЕВИДИМКА

Поднимаю плаща воротник.
Ждать, наверное, долго полутки.
Вновь сквозь серую морось возник
Облик девичий, нежный и хрупкий,
Весь из света и из тепла,
Словно солнца пробившийся лучик.
Невидимкою подошла,
Улыбнулась улыбкой певучей.

На щеках полыхнула заря,
Грудь вздохнула под кофточкой тонкой.
Прошептала дружочек мой, зря
Разлюбил ты простую девчонку.

После вихря промчавшихся лет,
Знаю – сердце раскаянье гложет..»
Я молчу. Я смотрю тебе вслед.
Мой ответ ничему не поможет.

Все равно ведь ни мне, ни тебе
Что напутано – не распутать.
Мне одно остается лишь – петь
О тебе в ожиданье погуток.

На дорогах, когда моросит
И душа отсыревшая плачет, –
Твой, моя невидимка, визит
Для меня что-то все-таки значит.

1985 г.

* * *

Уже не синь, а только просинь,
Да приморози серебро...
Я вижу, как берешь ты, осень,
Не кисть – железное перо.

И, нагоня холод в душу,
Не только в душу – в фонари,
Продрогший сквер рисуешь тушью
На бледном полотне зари.

Заломленные пальцы веток
В мольбе застыли о тепле...
О выдай, небо, напоследок
Что недоотдано земле!

1963 г.

БЕССОННИЦА

Когда на город снег летит,
И свет от фонарей струится,
Как вам – не знаю, мне – не спится,
И в переулках заблудиться –
Нет, мне никто не запретит.

Кто запретит снежинок рой
Мне конницей назвать летящей?
Снег атакует город спящий.
Но он не враг, бедой грозящий,
Не учиняет он разбой.

Он превращает город в цирк.
Жаль, этот цирк не видят дети:
Как все вокруг летит на свете,
Как фонарики лукаво светят
Во все концы, во все концы.

И я на этот свет иду
В надежде, что кого-то встречу,
Что будет весело от встречи.
Порой касаться будут плечи,
И речи будут, как в бреду.

66

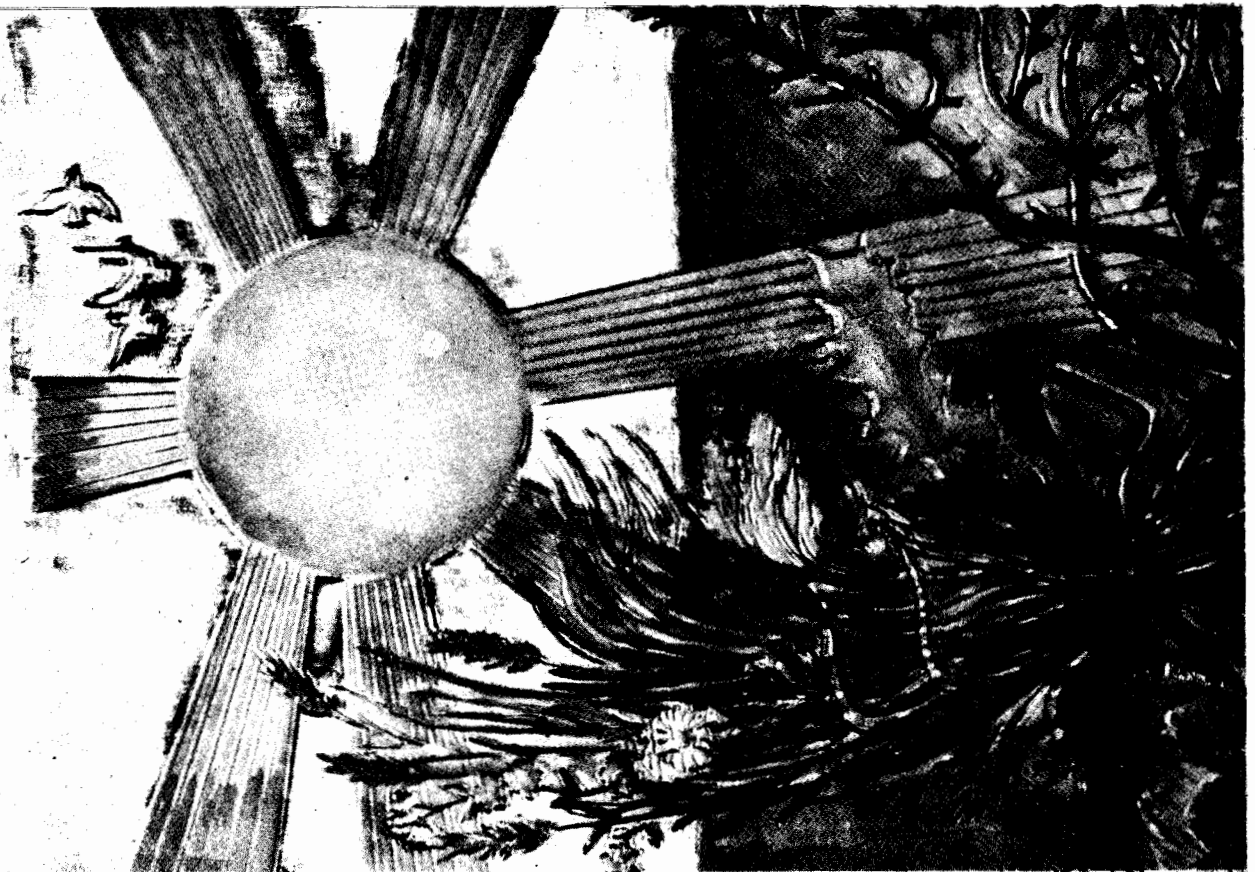
А если до утра совсем
Я никого не встречу все же,
Я грусть на рифмы перемножу,
И, как философ, подытожу:
Дано всю ночь не спать не всем.

И заключу, что и метель
Быть может нежною подругой,
Фонарь любой – веселым другом,
Но от душевного недуга
Не в силах излечить постель.

1980 г.

НИКОЛАЙ РЮМИН

СВЕТ НЕЗАКАТНЫЙ

ВЕТЕР

С ветвей осыпав бахрому,
Шлифует ветер перекрестки,
Неподотчетный никому.
То замирающий, то хлесткий.

Намел к ногам берез сугроб
Совсем не из шальной отваги –
Теплей березкам было чтоб,
А по весне – испить им влаги.

Для лыжников он чудо – наст
Утрамбовал за стадионом.
И разогнал он дыма пласт –
И задышалось вдруг озоном.

Потом он лист газетный рвал
И гнал его туда, где свалка.
В нем ложь вела такой аврал,
Что ветру было лист не жалко.

А ночью – мне стучал в окно:
«Ну, выходи же, ради Бога!
Смотри, висит луна давно,
И светится стеклом дорога...»

И я его благодарю
За беспокойство и тревогу!
И никогда не укорю
За слишком скользкую дорогу.

1992 г.

68

Праздник
на
час

КОНТРОЛЬНЫЙ ЛИСТОК
СРОКОВ ВОЗВРАТА
КНИГА ДОЛЖНА БЫТЬ
ВОЗВРАЩЕНА НЕ ПОЗЖЕ
УКАЗАННОГО ЗДЕСЬ СРОКА

Копия, пред. выдача.

14V 533
8.12.14 648

ИДЕАЛУ

В лицо мироздания рябое
На бешеном жизненном кроссе
Давай рассмеемся с тобою
Над тем, чего не было вовсе.

Над тем – что лишь было возможно,
И все же – не состоялось.
Над тем – что так просто и сложно...
Ты даже мечтой не осталась.

Ты только осталась звездой,
Порою в ночи светящей,
В ручье – журчащей водою,
Озябшей синицей – в чаще.

Тебя в любой ипостаси
Неузнанную – узнаю я...
Не претендуя на счастье,
И ни к кому не ревную.

1988 г.

70

ПРАЗДНИК НА ЧАС

Не успел совершить я побег
В ближний сквер на рассвете из дома,
Как сразил меня хлопьями снег...
А воскрес я – мне все не знакомо!

Колдовство!.. Карусель!.. Благодать!..
Стали вдруг невидимками ели...
О каком еще чуде мечтать?
Воробьи вон и те обалдели!

Что, казалось бы, им снегопад,
В честь которого – бурное скерцо?
Значит, белых снежинок парад
И воробушка радуется сердцу.

Этот праздник – всего лишь на час,
Но на морде у рыжей собаки,
Вечно рвущейся в дикие драки,
Я улыбку заметил сейчас.

И... аукнулась вмиг немота
Анапестами, ямбом, хореем...
Надо мной словно ангелы реют,
И беззвучно поют их уста.

1991 г.

71

* * *

Снова апреля лучами
Выпиты залпом снега.
Скоро цветения пламя
Месяц взметнет на рога.

Словно беседа с небом,
Зашелестят тополя.
Быль повествуя? Иль небыль?
Или о чем-то моля?

Вот бы и мне помолиться
В небо широким крестом,
Чтобы вернувшимся птицам
Снова увидеть свой дом.

Только вон там у оврага
Рошица – сожжена:
С пьяною, видно, ватагой
Тешился сатана.

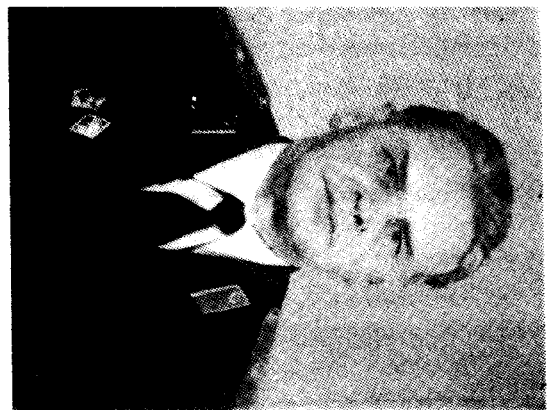
Там, где разлилось болото,
Где задохнулись поля –
Хохотом давится кто-то.
Кто-то – и только не я.

72

Вздогну от скворушек крика
И невзначай изреку:
Всем нам повыпало лиха
На сумасшедшем веку.

Все же и мне, и синице,
Дятлу, и воробью
Пламя цветения снится,
Верится в участь свою.

Апрель 1997 г.

Рюмин Николай Михайлович, родился в 1929 г. в Ленинграде. Отца не помнит, жил с матерью и теткой. Блокадной весной 1942 года мать и тетка умерли от голода. Попал в детский дом, с которым эвакуировался в село Крутихи Алтайского края, где был усыновлен семьей учителей Лаговских.

В 1952 г. окончил военное училище в г. Иркутске. После демобилизации поступил в Елабужскую специальную среднюю школу милиции МВД СССР, по окончании которой работал на различных должностях (в основном следователем) в Горно-Алтайском областном УВД и Горно-Алтайском ГОВД.

С 1962 г. работал в транспортной милиции станции Белово. Сейчас на пенсии в звании майора милиции. Живет в Белове.

В 1979 г. заочно окончил Омскую Высшую школу милиции МВД СССР.

Стихи пишет с 50-х годов. Печатался в республиканской газете "Звезда Алтая", городской газете "Беловский вестник" и газете "Железнодорожник Кузбасса", в коллективном сборнике "Хлеб военной поры".

ДИКАЯ ЯБЛОНЬКА

Дикая яблонька, дикая яблонька!
Мне на тебя наглядеться невмочь.
Ты мне скажи, моя дикая яблонька,
Чья ты такая красивая дочь?

Может быть, дочка ты феи-волшебницы?
Или Прекрасной Елены ты дочь?
Или от Матери Божьей по лестнице
С неба спустилась ты в майскую ночь?

В белом наряде стоишь за оградой,
Словно ко мне на свиданье пришла.
Лишь для того, чтобы сердце обрадовать,
Чтобы мечта о любви ожила.

Белых цветов твоих, дикая яблонька,
Молча любуюсь, я не прикоснусь.
Только тебя, моя дикая яблонька,
Вечной любовью любить я клянусь.

27 мая, 1998 г.

76

БЛАГОДАРИЮ ТЕБЯ, ЛЕТО

За то, что пекло
и за то, что ты лило,
За то, что ты молнией
не сразило, -
Благодарю тебя, лето!

А если я падал, -
то лишь от усталости.
За то, что мне вовсе
не легким досталось ты,
Благодарю тебя, лето!

Катил и катил я
то в город, то в села.
За то, что встречались мне
люди веселые
Благодарю тебя, лето!

Я сам не из тех,
кто впадает в уныние,
И это вот- главной
считаю я линией.

За то, что ты другом
являлось мне в этом,
Благодарю тебя, лето!
Благодарю тебя, лето...

1982 г.

77

К ЧИТАТЕЛЯМ

Отзывы об этой книге просим присылать по адресу: 652600,
г. Белово, ул. Юбилейная, 6-40

© Редактор-составитель В. П. Щелканов

© Стихи Рюмин Н. М.

МАЛИНОВЫЙ ПЛАТОК

* * *

Я ягоду малину собираю.
Ах, ягода малина, ты сладка!
А сам тебя, тебя все вспоминаю –
В малиновом платке и без платка.

Я не забыл малиновые зори.
Чтоб я тогда в любовь поверить мог –
Себе на плечи ты на косогоре
Накинула малиновый платок.

И стала вдруг малиновою речка,
И облака уплыли на покой.
Мы целовались... И над нами свечка
Зажглась звезды ... неведомо какой.

Ночную пахли волосы фиалкой.
Встречали мы малиновый рассвет.
Платок малиновый ты потеряла.
Жалко!
Где ты сегодня?.. Кто мне даст ответ?..

1999 г.

78

Царство золота и тени,
Хрусталя, голубизны...
И опять тоской осенней
Думы все напоены.

Невозвратных дней похмелье,
Словно камень, давит грудь.
Где вы, юность и веселье?
Хоть на час бы вас вернуть!..

Чтобы мир казался проще,
Заглушая сердца стон,
В тишь оранжевую рощи
Я ныряю, словно в сон.

Выхожу к реке и к ивам,
Долго всматриваюсь в синь.
Только – нет... и над обрывом
На душе – одна полынь.

Наконец, я понял: надо –
Видно, в том тоски секрет –
Чтобы шла с тобою рядом
Та, которой рядом нет.

28 сентября, 1997 г.

79

ОГЛЯДЫВАЯСЬ ВПЕРЕД...

Между стихотворным дебютом Николая Рюмина на страницах газетной периодики и этим его первым по этическим сборни-ком простер-лась целая жизнь, вместившая в себя драматическое переплетение индивидуального жизненного опыта и судеб нашей великой Родины - России. Этот сборник невелик по объему, что свидетельствует о жестком самоограничении автора, отобравшего для публикации самое главное, отстоявшееся. Композиционная структура сборника выстроена строго, порой как бы концептивно. Стих его подчеркнуто традиционен и ориентирован на высокую школу русского гражданского стиха. Однако этот факт сам по себе, не умаляет остроты первооткрытия. Стихи, напечатанные в разные годы и в разных изданиях, впервые встретившись под одной обложкой, образуют нечто совершенно новое, обладающее всеми признаками целого жизнеспособного организма.

Закон лирической поэзии гласит: Биография жизни поэта - всегда в его стихах.

*Сугробы на Невском. Зенитку за Смольным.
И крейсера мертвые вмерзли в Неву.
Зияют воронки на дворишке школьном,
И все это кажется сном наяву.
Полгода еще не прошло, как в июне
Воскресный тот день нашу жизнь разделил
На ту, что была до войны накануне,
И ту, что не каждый уже пережил.*

* * *

Говори мне, говори.
Говори про все, что знаешь.
И про то, что ты не знаешь,
Ты мне тоже говори!

Лишь бы голос твой звучал,
Словно плеск волны озерной.
Буду я тебя покорно
Слушать молча, как причал.

А когда (уж что скрывать)
Вдруг твои устанут губы,
Я скажу тебе негрубо:
Дай... мне их поцеловать!..

Август, 1997 г.

80

* * *

Обезлюдевший пляж,
призамерзшая заводь...
Перламутрово-розовый,
льдистый восход...
Никогда не кружила
мне голову зависть.
Лишь зимы, как и прежде,
волнует приход.

То бросает в тоску,
словно злобная участь
Предо мною готова
открыть свою пасть.
То душа воспарит, -
и летают созвучья,
Чтобы хлопьями снега
на землю упасть.

Как смогу
эту твердь я согрею
стихами -
Этот берег и пруд,
не застывший пока...
Значит, жив я еще,
если сердце - не камень,
Если грусти и радости
плещет река.

1990 г.

81

*Суровая явь. Мне всего лишь двенадцать...
И матушки скоро не станет моей...*

Да, двенадцатилетний Коля Рюмин мог стать одной из тех семисот тысяч (по неполным данным) жертв блокадного Ленинграда, о которых поэтесса - блокадница Вера Инбер впоследствии напишет:

*Открылись зубы, обтянулся рот,
Лицо из воска. Трутная борода.
(Такую даже бритва не берет).
Почти без центра тяжести походка.
Почти без пульса серая рука.
Начало гибели. Распад белка.*

Но судьбой ему было определено выжить, чтобы, покоря один ученический рубез за другим, продолжить Ладожскую "дорогу жизни" долгой дорогой восхождения к тем высотам житейской простоты и мудрости, с которых в глубоком раздумье поэт умо-заключает:

*Судьба подбивает последний итог,
Платить по долгам навигуется срок.
Последнюю книгу на память дарю.
Последнюю песню с друзьями спою.
Приемлю как должно, как бывший солдат
Последний костер и последний закат.*

Атакуемый "беспощадной памятью", оглядываясь на пройденный им путь, поэт не ожесточился, не замкнулся в гордом неприязни то слащавой, то пошло-натуралистичной действительности

* * *

Лишь было мигом лето,
Еще короче осень.
Ну, а кому за это
Упрек мы с вами бросим?

Уж и метель в глаза нам,
Белым-бела дорога.
Нас не понять южанам,
У них там солнца много.

Там виноград и дыни,
Там алых роз охапки,
И от колючей стыни
Искать не надо шапки.

Но, по теплу тоскуя,
Край, где не греет роба,
За теплоту людскую –
Не разлюбить... Не пробуй!

Я, в миражах объятьи,
Края знавал другие –
И чуть с ума не спятил
От жути ностальгии.

82

Нет от тоски такому,
Чтоб исцелиться, средства –
Лишь воротиться к дому
И в закоулки детства.

И пусть в глаза – пурга мне,
Белым-бела дорога –
Лежал где раньше камень,
Теперь – душа от Бога.

1980 г.

сти. Будучи человеком большой внутренней культуры, Николай Рюмин и во многих своих стихах обнаруживает чувство истории, чувство личной причастности к судьбам Отечества, к его культурно-нравственному наследию. Но размышляя о прошлом, этот автор всего оглядывается не назад, а вперед:

*Пусть воскресше Чуди да Мери
Вожделют Плесковской земли.
Пусть для киевских братьев по вере
Мы всего лишь теперь москали.
Пусты! Ведь нам не впервой подниматься
После глада, и мора, и смут.
Новый Минин и новый Пожарский
Новый плат для России соткут!*

В стихах Николая Рюмина много литературно-географических и литературно-исторических реминисценций. В этом плане наиболее примечателен раздел "Грезы в полутьме", в который вошли такие стихотворения, как "Двух шлюпов скромный караван", "В первом послевоенном году", "Как светел мир великих книг", и раздел "Судьбы России", в стихотворениях которого много специальной лексики и фразеологии, потребляющей от читателя (особенно юного) известного интеллектуального напряжения и элементарной любознательности.

Вечная загадка жизни и смерти находит свое лирико-философское осмысление у Николая Рюмина в разделе "Думы о прошлом".

*Погосты тихие России
Под светлым поголом берез.
Покой и тлен. Кресты косые*

* * *

Спешу, спешу...
отчаянно спешу!
Спешу –
и никуда не успеваю.
Вот эти строчки
на бегу пишу?
Пишу в уме.
Блокнот не вынимаю.

До электрички
добежав едва,
Купить
не успеваю я билета.
Вот ревизор, а впрочем -
даже два...
Спешить – беда!
Проклятье века это!..

И потому порой,
как выстрел ввысь,
Когда промчится поезд
вдоль откоса,
Я слышу крик души: «Остановись!
Не пощадят
чугунные колеса...

84

И кто поймет
трагический конец?
И даже люди близкие
в итоге
Подумают, скорей всего:
«Глупец,
Куда его несли
так резво ноги!...»

1990 г.

*Да лучики фанерных звезд,
Тут все равны: поэт и воин,
Кузнец и пахарь, враг и друг,
Судьбы единой удостоены, -
Собой замкнули вечный круг.
И им не будем воскрешенья.
Не жду и я судьбы иной.
И зарастет травой забвенья
Песчаный холмик надо мной.*

Читая стихи этого цикла, вслушиваясь в их преобладающие минорные интонации, в сознании читателя может возникнуть образ человека уставшего, надломленного жизнью. Нет, не усталость и не надломленность, а спокойное и грустное великодушное высокодуховного характера видится мне в стихах поэта, который и в природе, и в истории способен услышать голос бессмертия:

*Еще не конец. В круговерти природы
Не раз повторятся зима и весна.
Вновь будут метели и полые воды,
И белая ночь, и дождя легена.*

Поэтому, даже подступая к черте крайнего драматизма, лирика Николая Рюмина не знает безысходности.

Эта первая книжка поэта могла бы по праву получить такие названия, как "Воспоминания о будущем", или "Оглядываясь вперёд"... Но поэт назвал ее неприглядной строчкой "Свет не-закатный" из своего же стихотворения:

... Мне вспомнилось все, что ушло безвозвратно, -

* * *

Неужели, неужели
Все напрасно, все зазря
Пели белые метели,
Разливалась заря,

Поднимался месяц ясный,
Шелестели тополя?..
Неужели все напрасно:
Горевал, смеялся я,

И порой влюблялся, пылкий,
Сочинял стихи в бреду?..
Неужели на могилки
Я уйду и не приду?

В этот мир ужель обратно
Не сорвать мне дверь с петель?
Пусть за муки, не бесплатно!
Неужели, неужель?

Неужели все, что было –
Только шутка и обман?..
Что цвело, играло силой –
Испарится, как туман!

86

За неведомым пределом
Потекут в ничто года...
Нет... душа, расставшись с телом,
Не вернется... никогда.

Если даже и вернется
В край, что был родным тебе:
«Нет любимых! – ужаснется, -
Лучше мрак... небытие!».

1991 г.

И детство святое, и мать, и война.
И, словно в душе моей свет незакаленный, -
Вдали за волной закипает волна...

Да, свет души - это свет незакаленный, ибо, как сказал классик:

Отгорит и погаснет ракета,
Отпылают огней вороха, -
Вечно светим лишь сердце поэта
В целомудренной бездне стиха...

(Н. Заболоцкий)

Воспримем же этот теплый и светлый источник с благодарно-
стью и возьмем его с собою в путь.

Владимир Щелканов

БЫТЬ МОЖЕТ

«Уйти, потихоньку уйти,
Уйти, никого не тревожа.
Пусть звезды ночные в пути
Иную судьбу мне ворожат,
Свободную – от нелюбви,
Где зори, ковыль, да отроги,
Да дерзость бродяжьи в крови...
Вот только бы вынесли ноги!

А если я вдруг упаду,
И с белым расстанусь я светом, -
Кого упрекать за беду?
Рука провидения – в этом»...
Так, может быть, думал Толстой,
Свое покидая именье,
Решая вопрос непростой,
Как фабулу произведенья.

1998 г.

Экстремизм
на
Звезду

88

ПРОЩАНИЕ СЛАВЯНКИ

10

НА ПЕРВОМАЙСКОЙ ДЕМОНСТРАЦИИ

Хорошо, что так свежо ты, утро!
Хорошо, что небо голубое!
Хорошо, что океан как будто
Бьет о Землю Первомай прибоем.

Хорошо, что флаги, словно птицы,
И что песня, как костры в разгаре.
И куда ни глянешь, всюду лица,
Как букеты роз, улыбки дарят.

И весеннею налиты силой
Наши тесно сдвинутые плечи.
И нисколько жажда не остыла
Лишь вперед идти, заре навстречу.

В век двадцатый рабства нет нелепей.
Мы любому шлем привет народу.
Рвите, люди, на планете цепи!
Так прекрасно ощущать свободу.

1 мая 1971 г.

90

У ПАМЯТНИКА

В простой кепчонке, чуточку усталый,
Рукой придерживая пальтецо,
Стоит Ильич и смотрит с пьедестала.
Великой мыслью светится лицо.

Мне кажется: сейчас шагнет он снова,
И будет легок взмах его руки,
И вырвется из уст застывших слово,
И ринутся на штурм большевики.

И с яростью метнет матрос гранату
В тот ненавистный, тот прогнивший мир.
Я лишь по книжкам знаю эту дату,
Напоминает мне о ней эфир.

А дед мой спину гнул, в полях батрача,
Но слишком солон был его кусок.
И разве мог он поступить иначе?..
Палил в господ, когда настал тот срок.

И я горжусь, что я, его потомок,
Отчизне той навек принадлежу,
Которая от нищенских котомок
До звездных высей провела между.

Пос. Инской, 1971 г.

91

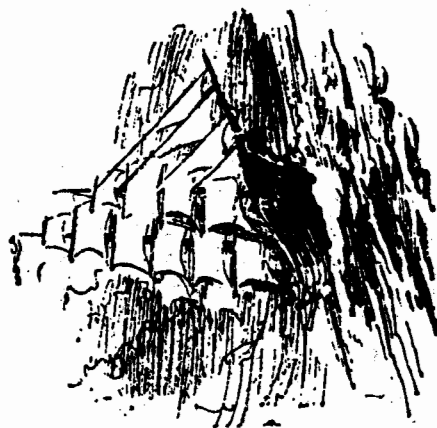
Далек, широк, друзья, наш путь!
Скользит по волнам взор прощальный:
Увижу ль я когда-нибудь
Знакомый берег в дымке дальней?

Бегут за море облака,
Призывно горизонт синеет.
Тверда штурвального рука,
И чайки за кормою реют.

Сквозь бури, шторм и ураган
Лежит теперь наш путь.
Упрям суровый капитан, -
Нам вспять не повернуть.

Под свежим ветром бьется флаг, -
И верю я - с победой -
Вернется вновь домой моряк,
Соленой горечи отведав.

1952 г.

ПРОЩАНЬЕ СЛАВЯНКИ

Этой музыкой в бой провожала
Нас Отчизна в суровые дни.
Медь оркестров призывно звучала:
"Защити, победи и вернись!"

Гремит труба, поет,
И кровь стучит в висках.
Пусть долго наш поход,
Но надо сделать первый шаг.

И на запад пошли эшелоны,
Все надежды с собой унося,
И, кровавой зарею зажженный,
Над Россией рассвет занялся.

Не плачь, труба, не плачь
И павших не зови:
Солдатская судьба
Всегда рождается в крови.

Вот и смолкло военное эхо,
На перронах оркестры гремят.
Вновь дождались мы детского смеха,
И "славянка" встречает солдат.

Ликуй, труба, и пой -
Окончен наш поход!
Будь славен, край родной,
И славься вечно наш народ!

8.11.1980 г.

НАРОД НЕ ПРОСТИТ

(Отклик на переворот в Чили 1973 г.)

Никогда не твердил я, как школьник:
«Сантьяго... Чили...»
А сегодня слова эти,
словно осколки,
вошли мне в грудь.
Вновь свободы душители
рукава засучили
И затеяли
кровью брызжащую игру.
Узкий берег,
стал длинной ты
траурной лентой.
Беспощадна и слепа
рука палача.
Пал под пулями
Президент Сальвадор Альенде,
Смерть
трусливой покорности предпочтя.
Самолетами, танками
напластовано
трупов груды.
Опыт прежних фашистов,
как видно, помог.
И не вынесло боли
сердце Пабло Неруды –

92

Стал проклятьем путчистам
последний поэта вздох...
Генералы – душители революции!
Подстрекатели,
одолларивающие разбой!
Время
начисто ваши развеет
иллюзии.
Впереди еще самый последний
и самый решительный бой!
Вам народ не простит –
как бы вы не юлили.
Не навеки трагической
быть судьбе...
Не свободу чилийскую
вы, господа, задушили, -
А петлю вы
позора
на шею надели себе.

1973 г.

ГРЕНАДА - 86

Мы с детства "Гренаду" твердим наизусть.
В нас с тридцать шестого испанская грусть.
И школьная карта флажками пестрит -
Герника, Уэска, Бильбао, Мадрид.

Газет заголовки вещают: "Салуд!
Долой фалянгистов! Они не пройдут!"
И "Мы из Кронштадта" в Мадриде идет.
Эрнст Буш перед "монос" в окопах поет.

Испанские дети спешат с корабля.
Им родиною станет Советов земля.
Весь мир волонтеров в Испанию шлет,
И интербригады выходят в поход.

Мятежникам в небе пройти не дают -
Стервятников "Кондора" чкаловцы жгут.
Мы верили свято - победа близка!
Но "Пятой колонны" коварна рука.

И кровью горячей борцов залита
Гренадская волость - Светлова мечта.
Полвека в иных пролетело краях...
Но ты не забыта, Гренада моя!

2.05.1986 г.

БОЛЬ

Армения! Твои в слезах глаза...
Что противопоставить адской силе?
Ничьи над Араратом голоса
О том, что будет, не провозгласили.

И дрогнули долина и холмы
И превратили этажи в руины.
Армения, весь шар земной, все мы -
Кочевники, вселенной бедуины.

Нас топят наводненья, нас трясет,
Подстерегает гибель от обвалов...
Кто от напастей этих нас спасет?
Как о себе мы все ж радеем мало!

Мы целимся друг в друга из-за гор,
Чтоб нанести как можно глубже раны.
И воздаст природа за раздор,
Как будто мы не люди, а бараны.

Мы люди. Мы едины. Не дадим
Переродить в безумцев нас незрячих.
И пусть вражды навек исчезнет дым,
И никогда любовь никто не прячет.

Не отдадим тебя Ленинанкан...
Спитак... Кировокан во власть разрухи.
Сильней тебя, подземный великан,
Врачующие друга руки!

1988 г.

94

ДРАМА

Довела меня тоска до точки...
Ломит хамство изо всех тенет:
То за ворот хватанет сорочки,
То в кого-то грязью саданет.

Видно, время хамов подоспело:
Как грибы - повывлезли вокруг,
Разодеты и холены телом -
Им не ведом никакой недуг.

Жаждет хам, как сто вампиров, крови
И гордится тем, что он - тиран.
Вот он - оборвал на полуслове,
Появившись там, где он не зван.

Вот - в лицо струит вам дым табачный:
Вы пред ним малявка - знали чтоб!
Вот он - рывкнул, гавкнул по-собачьи -
Слабонервных бросило в озноб.

Вот он - спец по грязным анекдотам -
Простака прикончил без ножа,
Зная то, что хлопать будет кто-то,
Ободряя пошлость, дико ржа...

95

БАЛЛАДА

Пылают казацьи станицы,
Седые шумят ковыли.
Из балки разбуженной птицей
Внамет эскадроны пошли.

С тачанок строчат пулеметы,
Сурово мерцают клинки.
И пятаются белые роты,
Отходят до самой реки.

Но бой не окончен: подмога
Приходит нежданно к врагу.
От Красного Яра до Черного Лога
Гремят батареи на том берегу.

Разметаны взрывом тачанки,
Редееет буденовок строй.
Алеют лихие кубанки
В траве по равнине степной.

Но бой не закончен. Еще повторится
В Сибири, у Волги, у серой Двины,
И красная лава домчится, домчится
До Львова, до старой варшавской стены.

Утихли пожары в казачьих станицах,
Истлели кубанки в ковыльных степях.
Но старому коннику все еще снится,
Как балкой идет эскадрон на рысях.

Март 1978 г.

14

Хамы чтут одно лишь только – ранги.
Перед чином на устах их – мед,
Потому что знают, что баранки
Тот, кто выше рангом, раздает.

Не по мне тот пир!.. И в этом драма.
Только минус – не сменю на плюс:
Аплодировать – не стану хамам!..
Не подам руки!.. Не поклонюсь!

1993 г.

ПОСЛАНИЕ «ДЕМОКРАТАМ»

на предложение «О мире и согласии»
после расстрела Дома Советов
и его защитников в октябре 1993

«Демократы» – бюрократы!
Жить от вас паскудно стало...
Влезли в рыцарские латы,
Спрятав рыльца под забрала.

В седла сели – обнаглели,
Наши вывернув карманы.
О себе нам сладко пели,
Оказались – уркаганы.

Объегорили Россию,
Задарма продав за шмотки.
В грудь стучали: «Мы – мессии!»
А потом прямой наводкой,
Чтобы в ключья, чтоб навывлет –
В нас стрелять из танков стали...
А кричали нам не вы ли:
«Был жесток Иосиф Сталин!»..

Исполнителям приказа –
Кошелек за каждый выстрел.
Всех убитых без показа
Позарыли очень быстро.

97

ВЗВОДНЫЕ

Школа красных командиров
Комсостав стране лихой кует.

Из песни 20-х годов.

Курсы краткосрочные
Младших лейтенантов -
Кузница поточная
Воинских талантов.

"Ты теперь не просто
Ванечка безродный,
А вполне свободно
Станешь Ваней-взводным -

С кубарем в петлице
И в пилотке с кантом,
Пусть пока что младшим, -
Все же лейтенантом".

Маршевые роты,
Красные вагоны.
Вылезай, пехота,
Получай патроны!

Получай патроны,
Занимай окопы.
"Эй, младшой, к комбату
Поживее топай!

Вот - приказ получен:

А потом заговорили
Вы о мире и согласьи...
Лучше б чудо сотворили:
В монастырь ушли от власти.

Да с усердьем бы просили:
«Боги, иродов простите!..»
Только имени Россия
Вы уж не произносите.

Не простит Она проказу
Изуитской вашей власти...
Вот уйдете вы - и сразу
Мир наступит и согласие.

1994 г.

ЭКСПРОМТ - ОТВЕТ

(Школьникам в качестве документального
материала при изучении истории
государства Российского)

Внук спросил у деда Васи:
«Власть какой сегодня масти?»
Дед ответил: «Власть таки
Ухватили беляки.
Нынче власть чернит ЧеКа,
Отмывает Колчака.
И парят, как символ зла,
Когти хищника-орла!
... Внук опять: «Скажи мне, дед,
Что так скуден твой обед?..
Три прорехи на штанине...
Отчего такое ныне?»
Дед поник, объятый думой,
А потом изрек угрюмо:
«Обещал нам Ельцин Боря,
Что не будем знать мы горя,
Но лишь поднял власти груз -
Разлетелся наш Союз.
А потом в социализм -
Стал внедрять капитализм.
Чтоб родить буржуев класс,
Ободрал до нитки нас,
Прокричав притом в эфир:

До конца держаться!
Посему извольте
В землю закопаться!».

Не спасла землица,
Не спасла родная...
Полегла пехота,
Волгу заслоняя.

Потонули в вечности
Лейтенанты младшие,
Мир оборонившие,
А себя не спасшие.

27.04.1995 г.

16

«Есть добыча! Будет пир!
Всем – не хватит никогда.
Объедайтесь, господа!
Ну, а прочим на Руси
Бог подаст на небеси!»..
Чтобы править без помех,
Стать решил он выше всех.
На пути его – Советы.
Гаркнул: «Пли! Советов нету.
И пошла вокруг потеха...
Только люду не до смеха:
Раньше был – его завод,
Нынче – собственность господ...
Сочинили драку кто же,
Что в Чечне? Буржуи – тоже.
Люду – смерть война несет,
Буржуину - в банке счет...
Все, как видишь, внук, в ажуре –
Всюду волки бедакурят!
Президентская же пресса
Бережет народ от стресса.
Ей, наверно, нипочем –
Что к чему и что почем.
«Не бывать, - кричит, - возврату!
Лишь вперед! Вперед... к разврату!...»
Вот такой экспромт – ответ
Внуку дал Василий дед.

1995 г.

РЫБАК

(Грезы в морозы)

Седые брови
и усы седые,
А на бровях ушанки
бурый мрак.
А под ушанкой –
мысли роковые.
Не просто так
сидит на льду рыбак.

Пытает дед
в морозный день удачу:
Над лункой
золотую рыбку ждет.
Он не попросит
на Канарах дачу –
Лишь только рыбка
выскочит на лед.

И Мерседес ему не нужен
прыткий:
Он не пройдоха,
не холявщик-плут, -
Себе просить
заморских благ у рыбки,
Когда на свалках
обитают люд.

101

ПОЕДИНОК

Все мосты сожжены. Я играю ва-банк.
Лишь Россия одна за спиною.
Надвигается, лязгая траками, танк,
Знать, сыграть он не против со мною.
Все погодки мои неуютно лежат
В перепаханной взрывом траншее.
Подползай же скорей, бронированный гад!
Мы посмотрим, чья шкура прочнее.
Мы один на один. Я играю ва-банк,
Но под траки ложиться не стану,
Пусть пройдет надо мной этот яростный танк,
Я его и в затылок достану.
И над башнею вспыхнет пылающий шар,
Экипаж - в блиндированном склепе.
Весь мой выигрыш - тот одинокий пожар
Над осколками вспаханной степью...
Что ж, сорвал я банчок. Я его запишу
В счет всего, что был Родине должен.
Я не верую в бога, но богом прошу:
Про меня хоть когда-нибудь вспомни...

16.04.1984 г.

Да он и сам
освоит свалку скоро:
Был простаком –
продал свою избу,
А государство
оказалось вором –
И улетели денежки
в трубу.

И вот без денег с бабкой
и без кровя
Он по углам скитается
чужим...
Так поступили с ним за что
сурово?
Да и с другими,
а не только с ним?

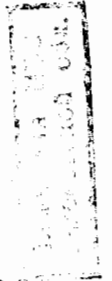
Он попросил бы
рыбку золотую
Лишь об одном:
за долголетний труд
Вернут пускай хоть пенсию
былую...
О, как мечтать, рыбак,
ты все же крут!
Ты, дед, забудь
про сказку,
про удачи:

Ту рыбку съели
в «благородства» знак
Те, у кого
в заморских дачах дачи,
Кто так легко
надул тебя, рыбак.

Не хмурь ты, дед,
свои седые брови,
А коль не прочь –
глотнем по стопарю...
Ершей себе
ты все равно наловишь
И бабку тем
обрадуешь свою.

Ну, а ворье,
тебя кто объегорил,
Когда попросят вновь
«зеленый свет»,
Ты на свое зазря не сетуй
горе –
Пошли их
к черту, Клинтону и Колю...
И уж тогда
припомним сказки, дед.

Март, 1997 г.

В старинном мазурском фольварке,
Куда нас войной занесло,
Мы выпьем с тобою по чарке
Зубровки, хранящей тепло.

Когда же опустится вечер
За крыльями штофных гардин,
Зажжем благородные свечи,
Затопим забытый камин.

И желтые блики заблещут
На треснувшем лаке картин,
И наши сердца затрепещут,
Когда зазвучит клавишин.

Оплавшие свечи мерцают,
Прощальный звучит менуэт,
И отблеск последний бросает
Камин на потертый паркет.

Ведь все так и было когда-то
В покинутом этом дому.
Кому ж за постой мы, солдаты,
"Дзенькуем!" ответим, кому?..

10.02.1988 г.

18

НАДО!

Надо – чтобы дом твой не был адом,
Чтоб искрилась радость круглый год,
Чтоб жена и дети были рядом,
Чтобы лаял пес, мурлыкал кот,
По весне – кричал скворец на ветке,
Чтоб жилось не хуже, чем тебе
Твоему соседу и соседке –
Чтоб порядок был в любой избе.
Надо также – чтоб была работа,
Чтоб работать было всем охота,
Государство чтоб у вас обманом
Не могло бы вывернуть кармана,
Тем же, кто обворовал, ограбил –
Предоставить долгосрочный лагерь.
Надо: чтобы слово «демократ»
Не равнялось слову «бюрократ»,
Чтоб не мог палач и людоед
Подзакрасить свой кровавый след.
Надо... Но в агонии Россия
Где же, где же истинный мессия?
Только мы – рабочая Россия,
Что в агонии, и есть мессия!
Под родными, люди, небесами
Излечить себя должны мы сами.
Для того, чтоб дом наш не был адом,
Все, что надо сделать – сделать надо!

Апрель, 1997 г.

104

ПРЕДПОЛАГАЕМЫЙ РАЗГОВОР

Вот уже к концу моя дорога.
Впереди не рай, конечно, - ад.
Потеряю, может быть, немного.
Даже, может, аду буду рад.

Опускаясь, может, по спирали,
Весь пройдя за кругом круг маршрут,
Я скажу: Мы это уж видали.
Сатана! Вы не палач... Вы шут...

Что костры? Я вовсе не из робких.
Вы меня не испугали, бес.
На земле у нас пожарче топки –
Как-никак, а все-таки прогресс.

Домны – это вам не сковородки,
Уголек - вам это не кизяк.
Вы бы знали, в срок какой короткий
Города вставали на костях.

Ух... а козны как умели стряпать,
Будь хоть ты душой, как ангел, чист.
Вы в аду слыхали про гестапо?
На Лубянке вас пытал садист?

105

ШИПКА

На Шипке светло - спокойно,
Безмолвен крутой перевал,
Что помнит минувшие войны.
Но след их остался средь скал.

Вот храм величавый белеет,
Могильный раскинулся град.
Здесь русские косточки тлеют,
Здесь прадеды наши лежат.

На помощь славянскому краю
Они беззаветно пришли
И, кровь свою с братской мешая,
На горных снегах полегли.

Когда же тень свастики злая
Над Шипкой простерла крыла,
Балканы от рабства спасая,
Россия Дунай перешла.

На кручах болгарских достойно
Алеша наш каменный встал.
Пусть будет на Шипке спокойно
Для всех, кто на ней воевал.

29-30.08.1983 г.

Вы в ключах любви хоть раз кипели?
Предал вас самый близкий друг?..
Вижу, Сатана, вы онемели,
А на морде – дьявольский испуг.

Ну, о чем тогда еще судачить
С вами мне, малейший Сатана?
Лучше сбегай, принеси без сдачи
Для прописки водки иль вина.

Ведь у вас сухого нет закона?
Черти пьют, но не теряют вид...
Для поэтов ад – покоя зона
От гонений, хамства и обид.

1989 г.

ПАМЯТИ НИКОЛАЯ РЮМИНА

Отгоревал, отмучился поэт...
Оборвалась тернистая дорога.
А что за той дорогой? Мрак? Иль свет?
Известий нет из-за того порога.

Где были мы? Куда опять уйдем? –
Не вразумила ни одна элита...
Горел он миг. Спасибо и на том.
Земная чаша выпита, испита.

Не предавал идущих рядом он,
На полпути не бросил крест поэта.
Наградой будет пусть – спокойный сон.
И память друга светлая за это.

17 октября, 1998 г.

СОДЕРЖАНИЕ

О себе	5
Откуда родом я...	6
Камушки из детства	
Русалка	8
Моей школе	9
На перроне	12
Вновь хочу увидеть море	14
Простите, чайки	16
Огольцы	18
Картинка из детства	20
Мальчишки	22
«Вот и снова снег голубоватый...»	23
«Иду, где потемней дорожки...»	24
Ода весне	26
Миг чуда	
«Опять покрылось небо мглюю...»	28
«Стонет ставня, словно мерзлый полоз...»	29
«За окном морозная, голубая ночь...»	30
«Здравствуй, май!.. Раскованность!.. Свобода!..»	32
«За окном всю ночь грустит гармоника...»	33
Майская ночь	34
Миг чуда	36
Свердловску	37
Казахстанское утро	38
Весенний день	40
Монолог чудака	41
«На призывный крик скворца...»	42

«Холодны пускай рассветы...»	43
—то жалеть о том цыгану	44
Махнем на Север	46
—а дамбе	48
—а берегу	50
Астышта	52
Машинист	54
Атолк	56
В больнице	58
—а рижском взморье	59
«Охватило пыланьем листья...»	60
«Ах, осень! А осень такая!..»	61
Аговедь «Дон-Кихота»	62
—евидимка	64
«Же не синь, а только просинь...»	65
Бессонница	66
Батер	68

Праздник на час

Адеалу	70
Праздник на час	71
«Слова апреля лучами...»	72
Братат	74
Вз тускнице колледжа	75
Сучая яблонька	76
Благодарю тебя, лето	77
Матинувый платок	78
«Сарство золота и тени...»	79
«Говори мне, говори...»	80
«Обезлюдевший пляж, призамерзшая заводь...»	81

Тревога, тревога, тревога,
Срывает с постели солдат,
И снова большая дорога,
И вновь за плечо автомат.

Тревогу, тревогу, тревогу
Отрывают трубы поют.
И, взяв, как положено, ногу,
Солдаты привычно идут.

Шагают, как некогда деды
Их шли - в сорок первом году,
Дойдя до желанной победы.
И внуки привала не ждут.

Лишь только б не стала до срока,
Пока не сыграют отбой,
Учебная эта тревога
Тревогою вдруг боевой.

30.04.1983 г.

«Лишь было мигом лето...»	82
«Спешу, спешу...отчаянно спешу!..»	84
«Неужели, неужели...»	86
Быть может	88
Экспромты на ветру	
На первомайской демонстрации	90
У памятника	91
Народ не простит	92
Боль	94
Драма	95
Послание «демократам»	97
Экспромт-ответ	99
Рыбак	101
Надо!	104
Предполагаемый разговор	105
Памяти Николая Рюмина	107
Содержание	108

Устьянцев Виктор Яковлевич
Простите, чайки!
 СТИХИ

Литературно-художественное издание
 Корректор - Харитонова З.И.
 ISBN 5-85471-039-0

Сдано в набор 16.06.99 г. Подписано в печать 20.07.99г.
 Формат 60 x 84 1/32. Бумага писчая. Гарнитура Arial Cyr.
 Печать офсетная. Усл. печ. л. 3,2. Тираж 140. Заказ № 13.
 Цена свободная.

Лицензия на издательскую деятельность ЛР №040415 от 03.04.97г.

Отпечатано в ИПП «Беловский полиграфист»
 концерна «Кузбассполиграфиздат».
 652615 г. Белово, ул. Чкалова, 18. Тел. 2-22-67. Факс. 4-34-00

БЛОКАДА

* * *

Приморскому времени неужели...
В нем цветения руды не вквара
С самой четкой, с самой надежной
Над рекой встала я восторг?

И девочки-косты улетели
На лице чашечки взлет бровей.
Я давно в нее ушла вкоченела,
Но про то не говори я ей.

Все, что мы зрим друг у друга
Отпала небезопасней селит,
Собором бессловесно чаша
И реки задроживая слава.

Всехишнее мы ищем закваса,
И мотыль летит на звезду...
Все прошло, все конило суда-то,
К той реке уже я не приду.

Та река и зовут те закваса.
Словно чем расселись мотыль.
Я один всталам прои восторг.
Мне во сне ко мне приходили бы.

20. 08. 2000

* * *

Среди, тихих ступи!
А уже у меня на восторг.
Улетают гради,
Как мотыль, носуется мотыль.

Звучит в тиши зов
— и восторгам мотыль восторг.
И восторгам расов
И восторгам восторгам мотыль.

Горевать не к чему...
Среди восторгам мотыль восторгам
Мотыль восторгам мотыль восторгам.
Мотыль восторгам мотыль восторгам.

Сентябрь 2001

* * *

Блокадная память! Она беспощадна.
Сквозь смех беззаботный и праздничный го-
мон

Как душное пламя с Бадаевских складов
Полнеба над городом жаром объяло,
И с этой минутой у Ленинграда
Шестьсот тысяч жизнью навеки не стало.

Потом будет все, и блокадная пайка -
В осьмушку кило; и снаряды, в упор
Летящие с Пулкова; мерзлая шайка
С водой из Невы,
И потухший дистрофика взор.

А пока - тот сентябрь, озаренный пожарами,
Станет первой страницей в книге блокады.
И ответ его и сейчас над бульварами,
Мостами и шпилями Ленинграда.

Март 1978 г.

